

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Юрий ТОРУБАРОВ

ВАСИЛИЙ ТЁМНЫЙ

Всемирная история в романах

Юрий Торубаров

Василий Тёмный

«ВЕЧЕ»

2019

Торубаров Ю. Д.

Василий Тёмный / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8085-0

Первая половина XV века. Не за горами то время, когда Русь станет единой, но пока она раздроблена, поделена на уделы, а потомки Рюрика ведут междоусобную войну, выясняя, кто имеет больше прав стать великим князем Московским. Родство – не причина щадить друг друга, а как раз наоборот. Но даже побежденный князь не может считаться поверженным окончательно, когда дух его не сломлен.

ISBN 978-5-4484-8085-0

© Торубаров Ю. Д., 2019
© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Об авторе	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юрий Дмитриевич Торубаров Василий Тёмный

Об авторе

Современный писатель-историк Юрий Дмитриевич Торубаров родился в городе Барабинске Новосибирской области в семье железнодорожников. По долгу службы семья Юрия часто переезжала с места на место. Из Барабинска перебрались в Новосибирск, потом отца перевели под Кемерово работать на крупнейшем местном железнодорожном узле Топки. Здесь, в Топках, его семью и застала война. Отец вскоре ушел на фронт. Воевал он в железнодорожных частях, держал в рабочем состоянии один из участков Дороги жизни для осажденного Ленинграда.

В Топках Юрий пошел в школу. Мальчик много читал, любимым его уроком стала история. Но своим увлечением Торубаров обязан не столько книгам, сколько преподавателю истории Е.И. Гакову. Это был настоящий энтузиаст своего дела, на его уроках никогда не было скучно. Всем своим ученикам Гаков сумел привить глубокую любовь к родной земле, к прошлому нашего Отечества.

После окончания средней школы Юрий планировал поступить в Московский историко-архивный институт, но обстоятельства сложились так, что ехать далеко не пришлось, Торубаров поступил в Кемеровский горный институт. Получив диплом горного инженера, был направлен в шахтерский город Междуреченск, недавно образованный на юге Кузбасса. Здесь молодой специалист прошел весь трудовой путь горняка – от должности горного мастера в шахте до начальника большого угольного участка.

Карьера стремительно шла в гору, но тяга к истории не пропадала. Оказавшись по долгу службы в Калуге, Торубаров случайно увидел местную карту, где на юге области заметил одно до боли знакомое название – Козельск. И тотчас в памяти всплыл давний урок истории, где Ефим Игнатьевич Гаков весьма эмоционально рассказывал о подвиге жителей этого города. «Еще тогда, в школе, – вспоминает писатель, – для меня Козельск стал иметь какое-то особое значение. Возникло непреодолимое желание побывать на этом героическом клочке нашей земли. Я задержался и на следующий день поехал туда. Трудно передать, какой душевный трепет вызвала во мне короткая надпись на въезде в город: Козельск. Я даже не верил, что попал сюда. Пока я гулял по его улицам, в моей голове созрел план первого романа. Вернувшись к себе, в Сибирь, я засел писать этот роман. Я еще не раз побывал в Козельске, посещал библиотеки, собирал материал».

Роман был закончен в 1991 году и принят Воениздатом. Но тут завертелось неумолимое колесо истории. Полным ходом шла приватизация, а публикация все оттягивалась и затягивалась, пока наконец, после ряда внутренних споров и разбирательств, пока это издательство не перестало существовать. Узнав об этом, писатель слегка отчаялся, но решил попробовать предложить рукопись в другое издательство. Своей несомненной удачей Юрий Торубаров считает встречу с Д.С. Федотовым, редактором издательства «Вече». Роман был принят к публикации и в 2007 году увидел свет. Доброжелательное и чуткое отношение опытного редактора буквально окрылило писателя, и он снова взялся за перо. Вслед за романом о героической судьбе Козельска последовало продолжение – «Мечь Аскольда», события которого развиваются после захвата Козельска татарами-монголами. Некоторым защитникам города все же удалось спастись и укрыться в непроходимых лесах. Аскольд, сын погибшего воеводы Сечи, начинает жестокую партизанскую войну...

Писатель потратил два года на написание этого романа. Но история борьбы русичей против Золотой Орды не отпускала. Еще через год вышел третий роман, посвященный этой теме, – «Таинственный двойник», книга, которую сам писатель на сегодняшний день считает лучшей в своем творчестве. В поисках материала для своих произведений Торубаров много путешествует – Великий Новгород, Суздаль, Можайск, посещает церкви, монастыри, музеи, местные библиотеки. Результатом этих поездок и визитов стали два совершенно новых, не похожих на предыдущие, романа – «Иван Калита» и «Офицерская честь». Первый повествует о «собирателе земель русских» Иване I, действие второго происходит во времена Наполеона Бонапарта. Юрий Торубаров продолжает активно работать. В ближайших планах писателя книга об Иване III и публикация трех уже готовых романов о Василии Донском – сыне князя Дмитрия, Симеоне Гордом – сыне Ивана Калиты и о далеких предках будущей династии Романовых.

Глава 1

Везут! Везут!

Это слово волной побежало от края толпы, набирая с каждым саженем силу. Достигнув помоста, оно встряхнуло его так, что стоявший на нем палач пошатнулся и, схватившись обеими руками за топориче, еще сильнее вогнал его в колоду. Из переулка выехала подвода. На ней сидели, спина к спине, четверо повязанных мужиков. Все они выглядели довольно изможденно. Печальную картину добавляла их изодранная, выцветшая одежонка, из дыр которой были видны выступающие ребра.

– Смотри, каки худы! – не то чему-то радуясь, не то сочувствуя, произнес какой-то мужик с кнутом в руках.

Видать, приехал из ближайшей деревеньки и, захваченный толпой, решил посмотреть на это кровавое зрелище.

– На воде, да на куске хлеба не больно разжиреешь, – со знанием дела ответил ему молодой старикан.

Но, что бы ни говорили, все, кто мог, с какой-то жадностью смотрели на них. А в их головах была одна мысль: через какое-то мгновение оборвется их жизнь. Как, должно быть, страшно ощущать так свой конец.

Один из них мертвыми, невидящими, безразличными глазами смотрел на толпу. Сразу было видно, что он давно привык к такому исходу своей жизни и где-то в густых «трущобах» блуждали его мысли. Другой сидел, склонив голову, зверем глядя на толпу. Его черные нечесанные космы прикрывали загоревшее, обросшее лицо. Он иногда встряхивал головой, и тогда толпа видела его ненавистный сверлящий взор.

– Ууу, бандюга! – раздавались гневные голоса, – попил он нашей кровушки, аспид.

– Он и щас готов, как зверь, бросится на человека, – заметила какая-то баба в ярком платке.

– Ниче, щас успокоють, – молвил тот же мужичонка, показывая на здорового ката.

Палач был во всем черном, с черным же колпаком на голове и маской на лице, из-под которой выбивалась рыжая борода.

Третий вопил:

– Не виновен, братцы! Заступитесь! – Слезы текли по его худому, с впалыми щеками, лицу.

– Все вы не виновны! А сами, чай, сколь душ погубили, – не успокаивается мужичонка. А последний из них глядел на голубое чистое небо прощальным взглядом.

– Ишь тыть, – говорит баба в ярком платке, – глядеть последний разок. Поди, сердце-то сжиматся. Жаль покидать сей мир.

– Раньше надо было жалеть, – молвит мужичонка. – Глядите, еще везут.

Толпа, как по команде, поворачивает головы в сторону переулка. Да, оттуда выехала вторая телега. На ней два человека. Молодой, здоровый парень. Он сидел передом к толпе. Темно-каштановые волосы ниспадали до самых широких плеч, открывая красивое, волевое лицо.

– Ух ты! – восклицает баба в платке. – Красавец-то какой. И такого губят! – Она всхлипнула.

Другая бабенка, стоявшая рядом, крикнула:

– Свободу молодому!

Один верховой из сопровождавшей стражи погрозил ей плетью и пояснил:

– Он убивец!

– Ей, дорогу! – орал сотский, ехавший впереди, махая угрожающе плетью.

Подъехав к помосту, стража оттеснила толпу подальше. Двое из них, здоровых воинов, слезли с коней и подошли к первой телеге. Развязав ему ноги, они подхватили его под мышки и поволокли наверх. Там ждали их уже двое: кат и незамеченный никем худенький дьячок, державший под мышкой скатанный в трубку приговор. Он постоянно как-то машинально забрасывал свои длинные редкие волосы на плечо. Но ветер, паскуда, все время сдувал их с его продолговатого черепа.

Когда преступника воины подтащили к колоде, дьячок развернул бумагу и начал быстро читать визгливым голосом:

– «По приговору кня...».

Дальше его голос утонул в реве толпы:

– Не части, дьячок!

Но тот не обращал внимания на их крики. Закончив читать, он посмотрел на палача.

– Попа нетути, – грубо проговорил тот.

Да, не было священника, чтобы отпустить грехи. Не полагалось без этого приводить приговор в исполнение.

– Вот ен! Вот ен! – завопила толпа, вероятно, испугавшись, что его не будет и они разойдутся, не увидя столь печальное зрелище, грея свои сердца мыслью, что казнили разбойников, душегубов... «Туды им и дорога».

Поп, тяжело дыша, поднялся на помост и вопросительно посмотрел на дьячка.

– Я все прочитал, – сказал он довольно громко.

Поп начал что-то читать, разобрать было невозможно. Толпа отчего-то вновь зашумела. Она успокоилась, когда двое воинов подхватили беднягу и уложили на колоду.

– Лежи спокойно, – гаркнул кат, – а то промахнусь, намучишься вдоволь!

На того подействовали эти слова. Он затих и послышался глухой удар. Окровавленная голова покатила на пол.

Вот очередь дошла и до молодого. Он резким поворотом туловища оторвал руки воинов.

– Я сам! – сказал он, легко поднимаясь по лестнице.

Толпа... заглохла: такое они видели впервые. Тот подошел к батюшке:

– Вели развязать руки, помолиться хочу перед дальней дорогой! – И посмотрел на купола кремлевских церквей.

Дьячок взглянул на сотского, стоявшего внизу. Тот отрицательно покачал головой.

– Люди добрые! – обратился парень к толпе. – Куды его годится! Перед смертушкой помолиться дажить не дают.

– Пущай помолится! – завопила толпа.

Парень упал на колени и посмотрел на батюшку. Тот не выдержал его взгляда и сказал:

– Да развяжите! Куды он денется!

Он, видать, имел в виду, что с десятков воинов, охранявших бандитов, да и густая толпа любопытных не позволят преступнику бежать. Сотский посмотрел на одного воина, находившегося на помосте, и согласно кивнул головой. Тот развязал ему руки. Парень потер их и начал, кладя поклоны, свою молитву.

Вдруг он, точно стрела, сорвавшаяся с тетивы, вскочил и, схватив за волосы охранников, так сдвинул их головами, что те, как мешки, повалились на пол. А преступник одним прыжком пересек помост и оказался на лошади охранника. Сбросив его в сторону, он поднял коня на дыбы. И тут раздался такой свист, что толпа отпряла в ужасе. А парень, ударив пятками лошадь, бросил ее на толпу. Та бросилась в разные стороны, открывая ему путь.

Пока стража разворачивала своих коней, тот успел доскакать до реки. Не раздумывая, он бросился с конем в реку. И они поплыли. Парень впереди, гребя одной рукой, другой он держал узду. Сотский, матерно вопя, подскочив к берегу, приказал стрелять в беглеца из луков. Но стрелы, не долетая, падали в воду. Толпа, шархнувшая вслед за охраной, видела, как беглец,

достигнув противоположного берега, оседлал лошадь. Та, напрягаясь, поднялась по крутому откосу. Беглец, прежде чем скрыться, помахал рукой и, крутнув в воздухе уздечкой, быстро исчез из виду.

Эта весть, что прямо от палача бежал какой-то кат, а народ всех, подвергающихся казни, считал их таковыми, быстро долетела и до ушей самого великого князя. Василий Дмитриевич со своим семейством шел в трапезную, когда навстречу ему попался молодой боярин Селиван Кутузов. Князь понял, что что-то стряслось, и, сказав своим, чтобы они шли без него, вопросительно посмотрел на Селивана.

– Да, великий князь... э...

– Не тyani! – прикрикнул князь.

– Да убег... казненный.

– Че? – удивленно произнес князь. – Как казненный мог бежать? Да я... того...

– Прямо с помосту, – ответил Кутузов.

– Так, так! – Князь бросил суровый взгляд на боярина. – Кто бежал-то? – спросил он.

Кутузов пожал плечами. Князь понял, что, кроме этого сообщения, он ничего не знает.

– Ты в следующий раз все разузнай, потом сообщай, – назидательно проговорил Василий Дмитриевич, – а щас пришли дьяка ко мне, – приказал он.

Во время еды великий князь вдруг захотел воды на клюквенном соке с добавкой меда. Когда слуга выходил, чтобы принести этой воды, князь увидел в открытую дверь худенького человечка и понял, что это и был званный им дьяк. Князю не терпелось узнать имя беглеца, кто он такой и что совершил. Слуга вернулся, поставил на стол воду и хотел было удалиться, да князь придержал его:

– Там, – он кивнул на дверь, – дьяк дожидается, пушай войдет. – Сказав, князь посмотрел на Софью.

Жена сделала нечитаемое выражение лица.

Вошедший дьячок озирался по сторонам, точно в ожидании нападения.

– Садись. – Князь показал на кресло, стоявшее у стенки.

Дьячок послушно сел и было видно, как он весь трясется.

– Расскажи-ка, хто он, откель и че натворил, – поинтересовался князь, смягчив голос.

– Да... ето Улеб Палуза, сын посельского Ивана Палуза из Нивныя.

– Таак, – протянул князь, – а че он сделал?

– Да... етот убивец лишил жизни боярыча Хомута.

– За че? – раздался резкий голос с другого конца стола.

Дьячок, машинально накидывая остатки волос на голый череп, повернул голову. Там сидела княгиня. Она с любопытством смотрела на дьячка.

– Да... ето... – часто моргая глазами, заговорил дьячок, – у Улеба-то была... э... невеста. Ну... на Покров Святой Богородицы они... ну...свадьба должна быть. Ну... а молодой Хомут... тово, как приехал в Нивну... ну...

– Да не тyani ты! – рявкнул князь.

Дьячок вздрогнул, съежился и еще сильнее заморгал своими белесыми глазками, приглаживая волосенки.

– Ты, князь, не кричи на него, – произнесла княгиня, – вишь, в дрожь человека вогнал.

Князь посмотрел на Софию, налил в свободный кубок клюквенной воды и преподнес дьячку.

– Глотни-ка холодненького, – сказал он, подавая бокал.

Дьячок, стуча зубами, сделал несколько глотков и забегал глазенками, куда поставить бокал. Княжич Василий, девятилетний ребенок, понял затруднение дьячка, быстро соскочил с кресла и подбежал к нему.

– Дай, – коротко сказал он.

Дьячок с облегчением подал его. Мальчик вернулся к столу, поставил кубок. За что получил благодарственный взгляд матери.

– Ну, – ласково попросила Софья, – продолжай.

– Ну, – вырвалось у дьячка.

И все улыбнулись.

– Ну, – повторил он, – боярыч заприметил невесту Улеба и приказал своим людям привести ее к нему.

Надо было видеть княгиню. Она вся взъерошилась, и ее лицо, только что излучающее доброту и участие, вдруг сделалось каменным. А дьячок, приободренный, продолжал:

– Ну, ее, подкараулив, схватили и притащили, как она ни упиралась, к боярычу. Но кто это все жить видал и сказал Улебу. Говорят, он превратился в тигра.

Княгиня перебила:

– Видать, сильно любит.

Дьячок закивал головой:

– Любит, ох как любит, – ответил он. – Вот парень и ворвался в боярские хоромы. Услыша, как кричит его девка, он раскидал всю охрану и ворвался в покои. И увидел, че боярыч повалил девку и рвет на ней одежонку. «Брось!» – заорал парень. Боярыч бросил, но схватил меч и на парня. Тот взял сиделец и запустил в него. Ну... и... – Дьячок развел руками.

– Великий князь, – послышался напряженный голос княгини, – если это все так, парень не виноват.

Князь знал, что, когда Софья его так величает, она взбешена до основания. И он понял, почему. Вспомнился Киев, ее бегство, когда хотели выдать за покалеченного польского князя. Без любви, насильно... И что с ней случилось, он хорошо знал.

– Ты кому доверил судить, – суровым голосом спросила она.

Такого он еще не слышал.

– Да Михайлу Нагому, будь он неладный, – в сердцах произнес князь.

– Ишь! – воскликнула княгиня. – Ему бы все головы сечь! Он че, хочет тя с народом рассорить? – Глаза княгини блеснули.

– Ниче, я разберусь, – ответил князь

– Разбирайся, разбирайся. Но если все так... – Княгиня посмотрела на дьяка.

– Все так, все так, матушка княгиня, – быстро подтвердил тот.

– Так не парню надо голову рубить, а етому боярину. Ишь, на чужих невест зарится. Это, князь, не дело. Вели парня миловать. А етого нахала... сам разберешься.

– А хде мы найдем-то его, – в задумчивости проговорил князь.

– Хде! – как-то насмешливо произнесла княгиня. – Если любит, то куды побежит? – и уставилась на мужа.

Тот улыбнулся.

– Ступай, – глядя на дьячка сказал князь, – и вели князю Пожарскому зайти ко мне.

Дьяк, низко склонив голову, отчего его волосы упали, обнажив голый продолговатый череп, стал пятиться задом, непрерывно кланяясь и мелко перебирая ногами. Наткнувшись на дверь, он склонился до самого пола, потом, резко выпрямившись, ловко исчез за дверью. Князь отчего-то рассмеялся, а княгиня сдержанно улыбнулась.

– Отведи детей, – княгиня кивнула слуге, стоявшему недалеко от князя.

Оставшись одни, она спросила у князя:

– Че ты надумал сделать с этим беглецом?

Глаза князя хитро прищурились, а в них играла веселость.

– Я... – Он расправил усы. – Да... думаю парня помиловать, а вот боярина накажу. Заберу у его деревеньку, пуцай все знают, че судить надобно по совести.

– Правильно! – поддержала княгиня, улыбаясь муженьку.

Глава 2

Князь проснулся от птичьего гама. Он лежал какое-то время с закрытыми глазами, прислушиваясь к радостному щебетанию птиц. Открыв глаза, он увидел, что его опочивальня была наполнена нежным солнечным светом. Василий Дмитриевич понял, что пришел конец почти полумесячному осеннему стоянию в середине июня. Как бы то ни было, прошедшая погода действовала на настроение. Да и, сказать, здоровьишко тоже начинало пошаливать. Давило в груди, ломило в спине. Что ни делали лекари, а избавиться полностью от недомогания он не мог.

И вот появилось солнце. Ему, может быть, показалось, но он почувствовал себя гораздо лучше. Полежав какое-то время, решительно сбросил с себя пуховый покров и опустил ноги на пол. Прошлепав до окна, открыл его и в опочивальню ворвался мягкий, освежающий воздух. Василий Дмитриевич вдохнул его полной грудью, высунул в окно голову. Ветерок растрепал его волосы. Он отчего-то рассмеялся и, отойдя от окна, облачился в легкую одежду и широким шагом направился к двери. Спустившись по скрипучей лестнице на первый этаж, вдохнул доносившийся с поварни аппетитный запах стряпающихся блинов, вышел на крыльцо.

Двор был пуст. Только петух, невесть откуда попавший на него, копался в конском дерьме, которое не успели убрать слуги. Дверь скрипнула, князь оглянулся и увидел на пороге княжича.

– А ты че, Василь, таку рань поднялся? А где твой дядитко?

После загадочной смерти старшего сына Ивана семья великого князя Московского пуше своих глаз берегла мальчонку. Наследник появился не сразу. Сколько было тревог, что великое княжение может попасть в другую семью. И когда появился Василий, к нему сразу приставили Михайла, старого воина и в то же время человека, умеющего ладить со всеми. У того самого было детей больше десятка, и он хорошо знал их повадки. Вот поэтому князь с княгиней остановились на нем. Михайло, любящий детей, не возражал сменить меч на нянькины заботы. Но главной его заботой была охрана мальчика от всяких непредвиденных обстоятельств. А он был человеком, который мог постоять не только за себя.

А тут такое. Но... беспокойство было напрасным. Михайло появился следом. Не обращая внимания на князя, Михайло строго посмотрел на мальчика.

– Княжич, не балуй! – внушительным голосом сказал он.

– На речку хочу, – капризно ответил мальчик.

Михайло вопросительно посмотрел на князя.

– На речку. Ну че, пойдём, только завтра, пушай река очистится, – согласился князь и добавил: – Возьмем Юрьевых детей. Те веселей будет.

Сын как-то по-взрослому посмотрел на отца, потом на дядьку.

– Ладно, пойду пожубрю, – деловито сказал княжич.

Князь не понял и посмотрел на Михаила.

– Да ето он сказал: пойду, мол, пожую, – ответил тот и пояснил: – Боярин Албердин научил. С Севера привез.

Василий Дмитриевич в свое время направил покорять Двинскую землю воеводу Албердина. Дела шли у того хорошо. Редко навещал Московию, он успел подружиться с Василием-младшим, который очень просился, чтобы тот взял его с собой. Ему хотелось повоевать по-настоящему. Андрей, смеясь, говорил, показывая на отца:

– У его просись. А я хоть щас.

Но Василий-старший был непреклонен:

– Еще навоююся, – говаривал он.

Дружба Андрея с Василием радовала князя.

На завтра, обещая выполнить сказанное, великий князь пополудновав, ничего не сказав Софье, пошел к Юрию. Давненько он не открывал двери в эти хоромы. Ворота были приоткрыты. Великий князь чуть раздвинул створки и вошел во двор. Он был пустынен, только в дальнем углу несколько мужиков собрались около колымаги.

Василий Дмитриевич не торопясь поднялся по высокому крыльцу и открыл двери. Переступив порог, он попал в сени. Окна там были остеклены наполовину, а где кончались они, видна была дверь. Зимой, видать, там хранилось кое-что из съестных припасов. И пахло свежим, еще не выветрившимся, лесом. Василий понял, что построены они были после последнего пожара. «Однако давненько я здесь не бывал», – подумал князь, открывая очередную дверь в проход.

Имея двухстороннюю застройку, они были слабо освещены несколькими свечами. И все же князь вспомнил, где была рабочая комната его брата Юрия. Он дверью не ошибся. Открыв ее, он увидел сидящего за столом и читающего какое-то послание брата. Тот так зачитался, что не услышал вошедшего. Когда князь подошел почти к столу и спросил наугад пришедшие слова:

– И че пишет Свидригайло?

Юрий как-то машинально, не глядя на вошедшего, ответил:

– Да ничего особенного. Вот только...

И, почувствовав на себе взгляд, поднял голову. Перед ним стоял его старший братец. Василий увидел, как тот переменялся в лице, и попытался скорее спрятать бумагу в стол. Но то ли ящик перекосялся, то ли что-то попало, но ящик не открылся, и Юрий со злостью дернул его. Бросив туда письмо, он резким движением, словно боясь, чтобы бумагу не перехватил старший братец, с грохотом закрыл его.

Василий, спокойно сядя в кресло, стоявшее сбоку стола, закинув ногу на ногу, заговорил первым:

– Я пришел, братец, звать ты и твоё семейство выехать на речку. Уж больно хочет туда мой сын Василий. Забирай и ты своих, пускай детки побултыхаются в речке. Да и полезно им вместе побыть: братья все же.

– Это ты, великий князь, верно сказал: «Братья». Вот только жисть у них будет разной...

Он явно что-то не договорил, но намек и без того был ясен. Василий понял: «Юрий до сих пор не успокоился, насчет кресла великого князя. Да, жаль его, но че делать, такова судьба. Тяжело ломать старые устои. Но... пора. Чего они дали: постоянные войны, бессмысленную гибель людей, нищету, порабощение... Да-а, не успокаивается братец!» – Все это промелькнуло в голове князя в одно мгновение. «Но надо пробывать как-то срастаться... може... получится».

– Давай не будем заглядывать так далеко, – проговорил Василий, явно давая понять, что его намек понял, – как сложится все дальше, одному Богу известно. Вон, у Симеона, их шестеро было, а кто остался? Никто, – сам ответил Василий, – поэтому давай не будем наперед батьки в пекло лесть. Жизнь сама покажет че, как. А щас по-родственному пускай детишки побесятся. Да и я хочу молодость вспомнить. С бредишкой походить. Помнишь, как мы в детстве шук ловили?

Юрий улыбнулся. Да, тогда беззаботная была жизнь. Никто из них не думал о власти...

– Ладноть, – произнес Юрий, – велю собираться.

– Вот и хорошо, дорогой братец, – Василий ударил себя по коленям, – попробуем ущицы с дымком.

– Попробуем, – ответил Юрий, поднимаясь и запирая ящик стола.

Место было выбрано прекрасное. Пологий песчаный берег незаметно сменился широкой поляной, забитой цветами, которые давали медовый дух, обилие разных других приятных запахов, делаая воздух пьянящим. Жены выпорхнули из колясок и бросились рвать цветы и пле-

сти сказочные венки. Князя ловко, как бывалые рыбаки, распутывали бредень, прихваченный Василием. Стража заготавливала дрова, раскладывала костер для варки будущего улова.

И вот два братца в одних подштанниках, ежась, заходят в воду.

– Ты, Юрий, иди берегом, а я пойду глубиной, – говорит Василий, поднимая с земли за палку часть бредня.

И они побрели вдоль берега.

– Вон у тех кустов выходим! – зайдя по шею в воду, орет Василий. – А ты лезь под кусты, под кусты, – командует он.

Вдруг князь Василий исчезает в воду с головой. На берегу все замирают. Но он исчезает на одно мгновение. Вот показалась его макушка, а затем вся голова. Он что-то восторженно орет, крутит головой и свободной рукой обтирает лицо.

Но пора поворачивать на берег. Что-то тяжеловат бредень. «Бревно, что ли, попало?» – думает Василий, надрывая силы, чтобы его тащить. Юрий лезет под самые царапающиеся кусты. И ему тяжело. Впору кричать о помощи. Но терпит. Зачем кому-то показывать свою слабость. Вот и берег. Что есть сил тянут они раздутый бредень. Еще трудно понять, что там. Набившаяся трава не дает возможности разглядеть. Но как рыба шевелится, чувствуется, что улов будет богатым. Так оно и вышло. Оттащив бредень от воды на безопасное расстояние, они, тяжело дыша, побросали свои палки.

Стража бросилась на помощь. Они набрали несколько ведерных шаек разнообразной рыбы. Желание поскорее отведать заветной ухи заставило позвать на помощь жен князей. Те, побросав недоплетенные венки, начали, натываясь с непривычки на острие плавников, помогать кухаркам чистить рыбу, наполняя воздух веселыми охами, ахами, вызывая смех у мужиков.

Василий, переодевшись в мягкую холщевую рубаху и штаны, стал наблюдать за ребятами, которые из песка строили какие-то избы. Командовал всей детской стройкой Василий Косой, старший сын Юрия. А название «косой» он получил за свой левый глаз, который у него немного косил.

– Не тута дорогу делай! – кричит он кому-то.

– Нет, тута! – упрямо отвечает детский писклявый голосок.

Это Василий.

– Косой правильно говорит, – поддерживает брата Дмитрий по прозвищу Шемяка.

Скорее всего, так его называли от слова «шмяка» – кто быстро ест. В раннем детстве он отличался этим. Это слово незаметно и перешло в Шемяку. Младшенький у Юрия сынок, тоже Дмитрий, но для отличия его звали «Красный», по его почему-то всегда красному лицу. Тот играл в сторонке, ему было пять лет.

Стройка кончилось тем, что Косой поломал все избы и с криком «Пошли купаться!» побежал к реке. Василий со слезами на глазах, ему так было жалко свое строение, тоже решил не отставать. Оказавшись в воде поблизости от Косого, тая на него обиду, он несколько раз обрызгал его водой.

– Ах ты, – подскочил к нему Косой, – да я тя... – Он схватил Василия за волосы и стал тыкать его головой в воду.

Не будь на берегу, не спускающего глаз с княжича, Михайло, трудно сказать, чем бы все кончилось. Тот, видя такое дело, прямо в одежонке бросился в воду. И оторвал руку Косого от головы Василия. Оттолкнув Косого, подхватил Василия на руки. Княжич раскашлялся, горлом пошла вода. Он достаточно ее нахлебался.

Юрий же, видя, как служка великого князя отшвырнул его детятко, подскочил к нему с плетью в руке. Ударить он не успел. Василий вырвал ее из рук брата и отшвырнул в сторону, сказав:

– Не дури!

Но сказано оно было таким тоном, что Юрию пришлось подчиниться. Наступило тягостное молчание. Василий, все понимая, попытался смягчить обстановку и голосом, словно ничего не произошло, сказал:

– Уха-то стынет! Пошли, братец!

Юрий тоже понимал, что в случившемся все же виноват его сын, а дядьке не оставалось ничего другого, чтобы спасти мальчонку... «Но все же почему так грубо! Он же, гордится, что прислуживает будущему великому князю?»

Видя, что Юрий нахмурился, Василий, продолжая играть роль миротворца, произнес:

– Да не обращай внимания. Дети... подерутся и тут жить помирятся. Пошли.

Юрий невольно подчинился.

Уха получилась отменная. Когда ее разлили по чашам, Василий подмигнул Юрию:

– Ну че, рыбак, нам полагагса?

Великий князь посмотрел на службу. Тот понимающе кивнул и, достав из сумы кубки и кубышку, принялся разливать брагу. Выпитое растворило появившуюся в душах неприязненность. После нескольких кубков братья даже стали обниматься. Но неосторожно брошенное Василием: «Так чего те писал Свидригайло?» – заставило Юрия мгновенно насторожиться, протрезветь.

– Да ничего, – уклончиво ответил тот, – я жить те говорил.

– Да, да, – добродушно проговорил Василий.

А в голове зародилась мысль: «Они о чем-то договариваются. Надо связаться с тестем», – решил он.

Но его тесть был занят другим. Ему не давала покоя мысль, что, если его единственная дочь не сможет стать сама королевой, то хотя бы была матерью короля. Эта надежда укреплялась с каждым днем, ибо у короля Ягайло не было детей. А Витовт уже установил довольно теплые отношения с аристократами, такими, как Болеслав Мазовецкий, Сигизмунд Чарторыйский, с Сандомежским, который имел на Ягайло незабываемую обиду из-за его обещания отдать в жены его сыну свою племянницу, но это сорвалось. Этим воспользовался ее отец, показывая вельможам всю несостоятельность Ягайлы.

Но внезапная смерть королевы Ядвиги и вторичная женитьба Ягайлы на Софье, дочери набравшего силу князя Потоцкого, поломала все надежды Витовта иметь на троне своего внука. За два года их совместной жизни она принесла ему двух сыновей и была беременна в третий раз. Все это путало карты Витовту. Он был в отчаянии, ища и не находя из этого положения выхода. Корона, которая почти лежала в его руках, неожиданно «уплыла» в известном направлении.

Однажды, бросив очертевший ему Вильнувский замок, он задумал отдохнуть в милом ему Троицком замке. В одной из деревушек, когда проезжал мимо невзрачного дома, до его ушей донеслись душераздирающие женские крики. Тут-то перед его каретой упала на колени молодая женщина. Судя по ее виду, она была на сносях. За ней гнался полупьяный немолодой мужик. Когда его подвели к князю, он обвинил жену в измене.

– В молодости от меня дитев не было, а я уж стар. Откель они могут взяться щас? – орал он.

Витовт посадил женщину к себе в карету, а стража быстро успокоила буяна. В карете князь разговорился с новой знакомицей. Она ему призналась в том, что согрешила, так как хотела ребенка, а с мужем несколько лет прожив, так ребенка и не дождалась.

Это событие натолкнуло Витовта на одну мысль. Она так захватила его, что он хотел было повернуть назад, но, вспомнив о женщине, привез ее в Троки, отдал в руки пожилой повитухи, дал денег, а сам сразу укатил назад.

Вызвав к себе воеводу, он приказал, взяв верных людей, ехать в Краков. Там они должны схватить женщин, обслуживающих новую королеву, и добиться от них свидетельства, что дети эти не Ягайловы. Ведь от него у первой королевы не было детей.

В Кракове, в Мариацком костеле, где только что были закончены скульптурные работы известного мастера Владислава Ствоша, шла вечерняя служба. На ней присутствовала королева София. Она часто бывала здесь, и обязательно в сопровождении рослого, весьма недурного собой шляхтича. Поговаривали, что они давно знакомы друг с другом и его присутствие при ней было оговорено. Королева сослалась на то, что ей кажется, она как-то незаслуженно заняла это место и опасается мести от тех, кто спал и видел его заполучить. Королю было безразлично, кто будет при ней. Важно, чтобы она скорее родила. А то отсутствие наследника грозило ему разными бедами. Король почувствовал себя счастливым, когда королева родила сына. Затем появился второй ребенок. Казалось бы, что еще надо. Но злые языки, развязавшись, чуть не на каждом углу доверительно шептали, что эти дети не Ягайла. Эти слухи не могли не долететь до ушей короля. Оставить эти слухи он не мог и предпринял кой-какие меры, которые заставили закрыть все рты, и король отбыл из Кракова. В его отсутствие языки развязались вновь. Дамы зашептались. Этот шепот подействовал на королеву. И епископ Олесницкий заметил во время службы довольно печальное лицо Софии. И он решил с ней поговорить, подойдя, попросил ее остаться. Зал быстро опустел, они присели. Королева поняла, что епископ не хочет, чтобы их кто-то слышал. И это подействовало на королеву. Она открыла ему свою душу и свои заботы.

– За последний месяц, – начала она, – у меня исчезло несколько моих старых и преданных служанок. А вот на днях куда-то пропал и Януш, ее надежный охранник.

– А он всегда был с вами? – спросил епископ, стараясь своими пронзительными глазами заглянуть ей в душу.

Она опустила голову, и епископ стал кое о чем догадываться.

– Скажите, эти дети... ваши? – напрямую спросил Олесницкий.

Королева не поняла вопроса.

– Как ваши, они... мои, – сказала она.

– Я имел в виду, что... будьте со мной откровенны, это очень важно не только для вас, но и для всего польского королевства.

И хотя говорил он тихо, София чувствовала, как напряглся его голос.

– Я имел в виду, дети эти от короля Ягайлы? – Он сказал, точно выстрелил.

Королева еще сильнее склонила голову.

– Мнда-а, – задумчиво произнес епископ. – Дело сильно осложняется. Нам неизвестно, но кто-то ведет очень опасную игру. Но кто бы он ни был, вы должны под присягой, слышите, под присягой дать показание, что эти дети Ягайлы. Вы меня, королева, поняли?

– Вы мне найдете Януша? – вместо ответа спросила она.

– Я буду с вами откровенен. Для вас... его лучше не найти. Если он покажет... Вас ждет темница до конца ваших дней. Детей... В лучшем случае – холопская доля! Вы меня поняли?

– Да, да! – быстро ответила она. – Но я... я боюсь греха.

– Поздно о грехе думать, когда он уже совершен. Теперь остается только молиться. И я за вас помолюсь, отпущу все ваши грехи, если вы, королева, выполните то, что обязана выполнить королева: сохранить целостность Польши. Вы понимаете, о чем идет речь?

– Да, да! – опять быстро произнесла она.

– Я вижу, утомил вас. Пойдемте, провожу вас.

Он поднялся первым и жестом показал дорогу. Они выходили из задних дверей костела. Там ее ждал экипаж. Епископ при расставании взял ее руку. Пальцы у него были холодны, наверное, как его душа.

– Не забывайте, королева, наш разговор, – сказал он ей на прощание.

Она ничего не ответила, подумав про себя: «На черта сдалось мне королевство, если не могу видеть дорогого человека и грозит темница».

Проводив королеву и вернувшись в костел, Збигнев Олесницкий, дойдя до кресла, упал в него, точно его оставили силы. Он понял, что кто-то ведет против короля Польши очень опасную игру. Если этот неведомый враг получит сведения от служанок, что дети не короля, неизвестен будет путь Польши. Литва, почувствовав слабость королевской власти, немедленно провозгласит свою самостоятельность. «Стоп... Литва... Уж не дело ли это рук Витовта? Ведь это он спит и видит, как оторвать Литву. Так, так, враг опасен, тем более он очень сильный полководец. И вот он, получив эти сведения, сольется с Мазовецким, который мечтает о былой самостоятельности своего княжества. Они, с двух сторон объединившись... Нет! Этого у них не получится!» – И сухим кулачком Олесницкий громко стукнул о ручку кресла.

Глава 3

Лето быстро пролетало. На рыбалку князь Задонский больше не ходил. Та, одна, оставила в его душе горький отпечаток. Он понял, что даже дети Юрия прониклись к его семье какой-то желчной ненавистью. «Этот Косой... Ну, что сделал Василий? Играл, обрызгал его. А он? Чуть не утопил двоюродного брата. Ладно Михайло. А не окажись он там... Потом, что бы взяли с мальчика? Нет! Тестя надо подключить. Что-то барахлит мое здоровье. Всяко может случиться, – такие думы часто посещали князя, когда он, сидя в кресле на расписном крыльце, любовался серебристой рекой, тихим алым закатом солнца. – Вот и нет его... ушло, а куда? Так и я уйду... кто останется? Эх, как жаль, что Василий так мал. Останется малец, разве ему потягаться с Юрием. Да и... Нет, я правильно сделал, что в завещании утвердительно благословляю сына своим Новгородом Нижним, Муромом, но о великом княжении, не знаю, прав я или нет, но написал предположительно: а даст Бог сыну моему великое княжение. Это на всякий случай, если победит Юрий. У Василия будет где собирать силы. Думаю, правильно я поступил, что приказываю сына своего Василия тестю Витовту, братьям Андрею, Петру, равно как и троюродным братьям, сыновьям Владимира Андреевича». В этот вечер, занятый своими мыслями, князь Задонский и не заметил, как на небе заблестели звезды. «А интересно на них смотреть. Так глянешь, они словно мертвые. А приглядишься, как живые: мерцают, куда-то двигаются. Да, жизнь, когда идет движение...»

Вот подошло время, и задумал князь с кузнецами самим пушки да пищали лить. Но ничего не получается.

– Не, князь, мозга у нас слаба, – вытирая лоб рукавом, проговорил здоровый кузнец Петро, – ты, князь, грамотный, вот и отпиши, пушай с немчуры приедет мастер. Мы поглядим, а далее все само пойдет.

«А че, Петро прав», – подумал Василий Дмитриевич и позвал дьяка Тимофея Ачкасова, чтобы он отписал письмо. А адрес бы узнал в Немецкой слободе. Ачкасов так и поступил. Шло время. Князь, как обычно, вышел на крыльцо, оно было завалено засохшими листьями.

– Гляди, и осень пришла, – вздохнул он.

А вскоре крылец покрылся белым пушистым снежком. «Зима», – опять вздохнул князь. В один из зимних дней Софья получила письмо от отца. Оно было коротким: «Сильно занят, решаю судьбу своего единственного внука». «Че он там решает», – думал князь, сидя на крыльце и закутавшись в тулуп. Ноне погода пасмурна. Еще с прошлого вечера потянул ветерок, который приволок за собой серо-белые тучи. Они захмурили небо, спрятали солнце. Начал сыпать снежок. Порывы ветра забрасывали снег и на крылец. Сидящий на крыльце князь покрылся белой пеленой. Она же спрятала от глаз князя солнышко. На этот раз заката он не увидел. Князь вздохнул. И тут услышал звон приближающейся тройки. «Кого его несет?» – подумал князь и постучал кулаком в дверь. Тотчас из хором выскочил служка.

– Слушаю, великий князь, – раздался бойкий молодой голос.

– Слышь звон? – спросил князь.

Служка кивнул, вопросительно глядя на князя.

– Ступай, ворота открой.

Тот мигом скатился вниз. Князь не ошибся: во двор въехала чья-то тройка. Она лихо подъехала к крыльцу и остановилась. Из кибитки выскочил... боярин Албердов. Несмотря на вечернюю мульность, княжеский глаз зоркости не потерял, и он узнал его сразу. Как-то тревожно в голову ударила мысль: «Не случилось ли чего?» Боярин энергично взбежал по лестнице и, остолбенев, остановился перед сидящим князем, белым от покрывшего его снега.

– Ты? Василий? – неуверенно вырвалось из груди боярина.

– Я, Алберда, я! – каким-то печальным голосом ответил князь.

– Да че с тобой, Василий? – Алберда опустился перед ним на одно колено, взяв его руки в свои.

– Эх! – произнес князь, высвободив руку и махнув ею. – А помнишь, как мы с тобой в трюм забились, задыхаясь от вонючей шерсти?

– Помню, князь, помню. Помню, как ты, я и Софья в логу ночевали.

– К каждому шороху прислушивались: а не стража ли идет. Эх, Алберда, вернуть бы те денечки. Да ты встань, встань, пошли в хоромы. Софья сильно обрадуется.

Боярин послушно поднялся.

– А ты как здесь? – Князь поднялся и посмотрел на боярина.

– Знаешь, князь, чей-то на душе у меня беспокойно стало. Боюсь, князь, чей-то страшное произойти может. Вот я и здесь. Прогонишь, назад поеду.

– Так уж и прогоню. Софьюшка тогда с потрохами съест. – Князь надрывно засмеялся.

Софья действительно была очень рада видеть этого скромного боярина. Будучи другом семьи, он ни разу не воспользовался этим. Даже если князь одаривал его за дело, то он всегда отказывался. И чувствовалось, это было не наиграно. Несмотря на вечерний час, княгиня распорядилась, чтобы быстро и достойно собрали на стол. Втроем они просидели, не замечая времени, до полуночи, вспоминая былое. Уложив гостя и идя к опочивальне, Софья как-то страдальчески произнесла:

– Ох, Василий, боюсь, не к добру наше веселье.

– Да будет те, Софьюшка! Встретили старого друга. Ну как не вспомнить былого. А оно было таким прекрасным.

Софья улыбнулась:

– Да, приятно было вспомнить.

А утром случилось другое событие. Появился... князь Пожарский. Об этом князе доложили, когда он и гость полудновали. Князь посмотрел на Софью:

– Откель взялся? Чей-то я о нем давно не слышал.

– Пущай войдет, – сказала княгиня.

Князь набрал через нос воздух, посмотрел на боярина и выговорил:

– Преси!

Вошедший князь до неузнаваемости был обросшим. Но голос его прозвучал довольно радостно.

– Великий князь! Твое повеление выполнено!

После таких слов лицо Василия изменилось. На нем появился отпечаток непонятности.

– Какое поручение?

Пожарский с достоинством доложил:

– Великий князь, по твоему повелению мной пойман преступник, бежавший... э... ну, когда его хотели казнить.

– Улеб... Палуза? – Князь не забыл ни имени, ни фамилии беглеца.

– Да, ен! – ответил Пожарский.

– И где ен? – полюбопытствовала княгиня.

– Ждет решения великого князя.

– Заведи его суды! – приказал князь.

Пока тот ходил за пленником, князь с княгиней наперебой рассказали Алберде о произошедшем. И когда он услышал от княгини, что та требует его помиловать, Алберда понял все и взял сторону княгини. Тем временем дверь открылась и ввели преступника. Это был рослый, плечистый парень. Его красивое волевое лицо дышало гордостью, и на нем не было видно и тени трусости.

– Так-так Улеб, – проговорил князь, – значит, ты чуть не убил боярыча?

– Князь. – Парень тряхнул плечами, и воины, державшие беглеца, отлетели по сторонам.

Алберда приподнялся.

– Боярин насильник. Он покушался на честь моей невесты. Или боярам все можно? А мы должны радоваться их своеволию? – Говоривший склонил голову и смотрел исподлобья на князя.

Князь даже стушевался:

– Да нет, боярин Хомут получил свое.

– А я получу отрубленную голову? – зло спросил Улеб.

– Нет, – княгиня встала, – ты, по милости великого князя, получишь... свободу. – Сказав, она села и отвернулась к окну.

– Премного благодарен тебе, великий князь, – и склонил голову еще ниже, – и тебе, великая княгиня. Моя жизнь теперь принадлежит вам, и я ее за вас отдам, не раздумывая, – заявил он.

К нему подошел боярин и, отсыпав из кисета несколько десятков монет, взял его руку и вложил в нее деньги.

– Это те на первое время. А хочешь, иди ко мне служить. Мне таких бравых надоть.

– Как ты кличут? – Улеб повернулся к боярину.

– Я Андрей Албердов, княжеский воевода!

– Боярин, я готов те служить верой и правдой.

– Тогда жди меня.

Князь тоже решил поблагодарить освобожденного. Повернувшись к слуге, он сказал:

– Сведи его в поварную, пушай хорошо накормят.

– А ты, князь, – Василий повернулся к Пожарскому, – саживайся за наш стол да расскажи... ты сколь его ловил-то?

– Да более года, – ответил Пожарский, – умен он, великий князь, – и кивнул на дверь, – поблизости, в лесах прячется. Все обшарили, не нашли. А вот и зима настала. Смотрим, а следы-то ведут из лесу к ее домишку. Мы по следу. Еле взяли: здоров. Да жаль такого казнить.

– Я милую его, князь. Казнить не будут, – пояснил Василий, считая, что тот не понял его. – Но ты молодец, – сказал князь, – все бы так выполняли князьки поручения, – вздохнул Василий и поднял кубок, – Пожарский, за тя!

Алберда еще пожил у князя несколько дней и поехал проведать своих. Но когда он был у ворот, неожиданно к нему подскакал всадник. Колотушка застыла в воздухе. А тот, не слезая с коня, бросил:

– Беда, боярин! Вертайся в Москву. – Выкрикнув эти слова, он тотчас развернул коня и поскакал дальше.

Сердце Алберды екнуло: «Неужто с великим...» Но спросить не успел, тот уже был далеко. Ужас этих слов был так велик, что он, не раздумывая, развернул коней и погнал их что есть силы. Еще за несколько верст до Москвы до его ушей донесся печальный звон колоколов. И он понял: с ним...

Да, когда они прощались, он жаловался на сильную боль в груди, чувствовал, как уходят силы: «Смерть мне не страшна, – говорил он, – Бог мне отпустил достаточно времени. И каяться мне не за что. Я все делал, чтобы поднять Московию, поднять Русь. Вот только одно меня печалит: мал мой Василий. А у него за спиной стоит мой брат Юрий». Тогда он, Алберда, сказал: «Не думай об этом. Мы в обиду Василия не дадим».

«Ты разговаривал с митрополитом?» – спросил он тогда.

– Говорил, – ответил Василий, – он за то, чтобы власть передавалась в семье по наследству. Фотий не признает право по отчине или дедине.

– И правильно делает, – заметил тогда Алберда.

Боярин стал понимать, что такое наследие приводит к раздроблению княжества. А отсюда его слабость и все беды. Только один, старший, в семье без всякого деления имеет право на великое княжение. А своим братьям он сам решает, что дать в кормление. Юрий же может это поломать. «Скорее в Москву, благо взял с собой часть войска. Пусть попробует! Скорее, скорее!»

Да, предчувствие его не обмануло. Он нашел Василия Задонского лежащим в гробу, установленном в Архангельском соборе. Площадь была заполнена плачущим народом. И эти слезы давали оценку его тридцатилетнего правления без больших войн и кровопролитий. Это он сумел защитить Русь от орд великого азиатского полководца Тамерлана, не потеряв при этом ни одного своего воина. Трудно сказать, что было бы: триста лет нового рабства или кровавая бойня посильнее Куликовской? Сколько бы легло воинов? Кто теперь это скажет? Важно одно: он отстоял Русь без человеческих потерь, дал ей подняться. Берег народ, помогал ему в тяжелые годы. Что же будет дальше? Кто перетянет? Еще совсем ребенок Василий или умудренный опытом его дядя Юрий Дмитриевич? Кого хочет народ? А народ хочет... мира, спокойствия и работы.

После отпевания, когда в гроб был забит последний гвоздь, не стовариваясь, пошли на митрополитский двор князь Пожарский, двоюродные братья Андрей, Петр, Константин, бояре: Албердов, Иван Кошкин, Морозов, Василий Кутузов и другие. Митрополит Фотий, сидя в кресле и держа в руках большой нагрудный крест, спросил:

– Кого вы хотите на великое княжение?

И все в один голос заявили:

– Василия!

Сухое, морщинистое лицо митрополита задрожало и расцвело в улыбке, стирая морщины:

– И я благословляю Василия! – проговорил он.

Иван Кошкин спросил:

– А здесь или нет князь Юрий?

На что митрополит ответил:

– Его нет, он в своем Звенигороде.

– Так надо послать за ним! – раздалось несколько голосов.

– Это я уже сделал, – сообщил митрополит.

– А если он не приедет? – спросил кто-то.

На что Фотий ответил:

– Венчать на великое княжение будем и без него.

Юрий не приехал. Но, узнав о состоявшемся венчании своего племянника и боясь остаться поблизости от Москвы, он бежал в далекий Галич, откуда прислал грамоту, где не признавал Василия великим князем и предложил перемирие на четыре месяца. Москва согласилась в ожидании будущих событий.

Глава 4

Когда в Москве происходили эти события, в Вильно, в Верхнем замке, глубоко под землей, за столом со свечами сидели два человека: великий князь Литовский Витовт и высокий, ладный собой, закованный в цепи, Януш. Допрос ведет лично Витовт. Рядом никого нет.

– Так ты отрицаешь всякую связь с королевой? – спрашивает князь.

Януш, опустив голову, отвечает:

– Да, отрицаю.

– Пан Януш, – сдерживая себя и стуча пальцами по столу, говорит князь, – ты зря упираешься. Если ты мне не расскажешь всей правды, навеки останешься здесь. Как вон те... – И показал на дальний угол, где можно было различить скелеты. – Это все, что осталось от пленников.

Януш поворачивается. Тело его нервно дернулось. Витовт, внимательно глядя на него, понимает: это произвело впечатление.

– Ну? Или ты надеешься, че тя кто-нибудь спасет? Напрасно! И те... – Он кивнул в угол. – Надеялись.

Набычась, Януш ответил:

– Ты ошибаешься, меня найдет и освободит королева.

– Дурак, – в сердцах произнес Витовт.

Он встал и заходил по камере. Потом остановился перед Янушем:

– Хорошо, есть другой способ тебя разговорить. – И повернулся к дверям. – Эй! – крикнул он.

Дверь тотчас открылась и на фоне дверного проема появилась фигура воина.

– Кузнеца ко мне с инструментом.

Януш понял. пытки он боялся пуще огня.

– Не надо! Не надо! Я все скажу.

В это же время в краковском королевском дворце, в покоях королевы, находился епископ Збигнев Олесницкий. Он был выше среднего роста, суховат, худощав. Удлиненное лицо, прямой нос и красивый разрез губ делали его приятным. Но несколько впалые глаза слегка старили его. И кое-кто мог ошибочно завышать его возраст. Он был молод не годами, а душой. Она у него не знала покоя. Как только он узнал, что у королевы пропали ее служанки, а за ними и ее любовник, он всполошился. Истину, вырванную из Януша, что бы ни говорили, прозорливый епископ понял сразу. Понял он и другое: что все в одночасье может рухнуть. Где-то, скорее всего в Литве, кто-то, скорее всего Витовт, допрашивают их. Показаний женщин епископ не боялся. Они ничего не видели. А вот показания Януша...

Но все же, все же, прежде чем начать действовать, он решил убедиться еще раз: какие были отношения между королевой и Янушем. Разговор с ней епископ начал такими словами:

– Госпожа королева, я уже говорил с вами на тему: чьи у вас дети. Не раздумали ли вы слова, сказанные мне, взять назад, зная последствия, о которых я говорил?

– Нет, мой дорогой епископ, мне Польша дорога, и я не хочу принести ей вреда. Я повторяю, что дам клятву, с условием, что вы не передумали снять мой грех.

– Не передумал, – промолвил епископ.

– Тогда, – проговорила королева, – действуйте, как считаете нужным.

Епископ, поехав к себе, всю дорогу молчал. Сопровождавший его ксенз так и не услышал от него ни одного слова. Епископ думал. И пришел к одному выводу: во что бы то ни стало, надо узнать, где находится Януш. Вернувшись к себе, он позвонил. Появился молодой послушник с умным, сообразительным взглядом.

– В церкви Святой Магдалины есть два служка. Пусть они придут ко мне завтра после заутрени, – проговорил епископ.

Послушник поклонился и закрыл за собой дверь.

Наутро служки уже появились у епископа. У них были бандитские рожи, хитрые глаза и крепкие плечи. Когда-то епископ спас их от виселицы, и за это они служили ему верой и правдой. Пользовался он ими только в исключительных случаях. И этот случай настал. Проверив, не задержался ли кто случайно у его двери, он рассказал им об их задаче.

– У королевы, не скрою, был любовник Януш. Его кто-то похитил. Подразумеваю литовского князя Витовта. Думаю, он держит его в своем замке в Вильно. Проникнуть туда сложно. Вытащить Януша оттуда невозможно. Тогда возможно оставить его там навсегда. – С этими словами он достал из стола маленький пузырек с белым порошком. – Куда бы его ни высыпать, он немедленно растворяется. Вы поняли меня?

Те закивали послушно головами.

– Тогда че сидите?

Один из них, видать, побойчей, пошевелил пальцами.

– А! – хитровато воскликнул епископ и достал довольно тяжелый мешочек.

Для этого дела Збигнев денег не жалел.

Принимая его, служка сказал:

– Это другое дело! – И засунул мешочек себе за пазуху.

Спустя месяц после встречи у епископа в Вильно въехали два мелких торговца. Товар у них был ходкий: пуговицы, иглы, нитки, вязальные спицы, недорогая холщевая материя и... доброта. Место стоянки они выбрали возле старой корчмы, которой когда-то владел Иосавеф, теперь его сын Харим. Он многое перенял у отца. Умел быстро оценить гостя, как кому услужить. В то же время шкуру драл с поваров. Поэтому обеды были недорогие, вкусные. Отбою от посетителей не было. По-прежнему здесь доминировала замковая стража. И по-прежнему им всегда не хватало денег. А тут на те, двое удачливых, добрых и отзывчивых торгоша, готовых всегда прийти им на помощь. Вскоре они стали своими, от которых не было тайны.

Так им удалось узнать, что в глубокой камере содержится страшный преступник, которого берегут пуще глаз своих. Хоть он и преступник, но... человек. И как ему не порадеть. Особенно податливым на их просьбы был один из стражников, уже немолодой и бывалый. Он клюнул на их жалость к преступнику и согласился тайно принести тому кусок пирога, которые так вкусно пекут в корчме Харима.

– И для меня не забудьте, – проговорил стражник.

Те согласно кивнули, добавив:

– Пушай напоследок хоть поест по-человечески.

Они тотчас пригласили Харима и попросили испечь пирог. К концу их гулянки пирог был готов. Выглядел он аппетитно. Золотистая корочка, запах, от которого можно обалдеть. В той толкотне, крике, иногда возникающих драках, кто заметит, что служка слегка посыпал его «солью». Каждый делает продукт себе по вкусу. И вот бережно завернутый пирог оказался в руках стражника. Поклявшись, что он доставит его по назначению и, попросив за это сервировать ему хороший стол, стражник, слегка покачиваясь, пошел в верхний замок.

А через пару дней Яноша нашли мертвым. Недоеденный пирог лежал на столе. Когда дали его собаке, она вмиг околела. Витовт не находил себе места. Когда он узнал от воина, кто дал ему этот пирог, князь приказал, хотя мало на это надеялся, схватить этих торговцев. Но сработало. Не успели те скрыться. И попали в камеру, где до этого сидел Януш. С ними разговор был жестким. Огонь сделал свое дело. Только одну ошибку допустил Витовт: не потребовал от них той отравы. Ведь не всю ее они использовали. Те рассказали, как все было.

Витовт тут получил больше, чем потерял. Теперь признание этих злодеев поможет ему справиться с этим умным, хитрым и дальновидным святошей, который вершит дела, как в

Польше, так и в Литве, протягивая руку в виде католических пастырей. «Ничего, – говорил он себе, – ты в моих руках». И стал готовиться к отъезду в Городно для решительной схватки как против епископа, так и против своего братца, у которого дети были не его и не имели права на наследство. А старый и дряхлый король уже никому не нужен. Он, Витовт, будет королем, а это открывает путь его внуку наследовать трон своего деда, и его любимая дочь Софья станет матерью короля. Витовт понимал, что часть польской элиты будет против такого его решения. Вспыльчивая шляхта может взяться и за сабли. А тайных помощников у них хватит. Один только Олесницкий, этот поджигатель, чего стоит.

Отъезд его в Городно задержала пришедшая от дочери страшная весть: она стала вдовой. Витовт не то чтобы очень жалел зятя, хотя, признаться, такая жалость была. Но его смерть путала все задуманное литовским великим князем. Хорошо зная военные способности Василия, он хотел прибегнуть к его помощи, если потребуется, и москвичи могли бы сыграть решающую роль. И путь бы к задуманному еще давно великим князем Гедимином был бы открыт. А кейстутская кровь царствовала бы, владея чуть не полмиром. Но что же. Он будет сражаться и один. Нет, и все же он поищет себе помощника. И его взор обратился к императору великой Римской империи Сигизмунду. Началась переписка, и тот согласился на встречу.

Надо, конечно, было бы съездить к дочери, отдать последний долг тому, кто помог ему сбросить тевтонское иго. Но дела не ждали. Император мог и передумать, а дочь он лучше пригласит к себе. И, приказав двинуть несколько полков к границам Серпуховского княжества, Софья поймет, для чего он это сделал, и, наказав воеводе пуще глаз беречь двух пленников, кормить их хорошо, он с небольшой охраной тайными дорогами двинулся в Германию.

Императорский дворец ни в какое сравнение не шел с его замком. Здесь роскошь блистала на каждом шагу, а позолота делала его легким, воздушным. Как шепнул ему дворецкий, кстати, литовец, еще в детстве попавший к немцам в плен, все это они берут от французов, которые стали законодателями моды. Витовт тяжело вздохнул: «Им бы моя жизнь, я бы посмотрел, как бы они этим убранством занялись».

Император долго не заставил себя ждать. Ему тоже нужен был человек типа Витовта, чтобы в союзе с ним в будущем поставить на место взорвавшихся чехов, венгров да и поляков, которые от них недалеко ушли. Военной помощи император пока не обещал, но признать его королем и венчать его короной – это Витовт получил. Возвращался он на родину, окрыленный заверениями императора.

Вернувшись к себе в Вильно, князь продумал стратегию наступления на Краков. Прежде всего он объявит, что дети Ягайла не имеют права на обладание короной, так как они незаконны. Если королева будет отрицать, он потребует, чтобы она произнесла клятву на кресте. Вряд ли у ней хватит смелости ввести всех в обман. А если ей на помощь попытается прийти этот Олесницкий, он поставит его на место, даже больше – потребует суда над ним. А помогут ему... два убийца, посланные Олесницким. И считал, что его дело беспроблемно. Перед дорогой Витовт помолился, приказав доставить срочно этих двоих в Городно:

– Да смотри глаз с них не спускай, когда повезешь. Охрану хорошую возьми, – наказал Витовт воеводе.

Тот заверил, что все сделает, как велит князь.

– Если без меня приедет дочь, встретить ее достойно. И следи за внуком. Понял? Это моя надежда! – сказал он твердым голосом, подчеркивая слово «надежда».

Воевода склонился, давая тем самым понять, что все будет исполнено.

Но отъезд внезапно пришлось отставить. С Кракова примчался нарочный и сообщил, что сейм откладывается. Собранный уже в дорогу, Витовт быстро решил смотаться тогда к ливонскому магистру. Ведь когда-то они звались друзьями. Авось и сейчас поможет. Он на Польшу давно «зуб» имеет. Из Москвы пришла в тот день весть: там было все спокойно. И

хорошо. Можно со спокойной совестью съездить к магистру. Если бы он знал всю правду, вряд ли бы поехал к магистру.

Глава 5

В Москве было спокойно на первый взгляд. Если приглядеться, то можно было увидеть мечущихся туда- сюда не только князей и бояр, но и священников. Двери митрополитских хором не закрывались. В разные стороны устремлялись монахи, беспрерывно прибывали игумены. И, не сговариваясь, Священный совет и Боярская дума решили не откладывать венчание Василия Васильевича на великое княжение. Никогда еще Москву не радовали чужеземные войска. А литовские полки, стоявшие на границе с Серпуховским княжеством, были надеждой, что ничто не помешает Василию-младшему занять место его отца.

И вот загудели успенские колокола. Воины Андрея Албердинова поднимаются на кремлевскую стену, берут под охрану ворота, окружают площадь Успенской церкви. Их лица строгие, решительные. Показалась процессия. Она движется от ворот хором великого князя Московского. Василий Васильевич одет, как одевались и его предки пятьдесят, сто лет тому назад. Хотя Василию недавно исполнилось всего десять лет, но ростом и видом он кажется старше. У него темные, как у деда по отцу, волосы, прямой нос на удлинённом лице. Это уже Витовские черты. Он крепок телом. Это вновь дедовское, Донское. Из-под синего корзно, ниже колен, выглядывает кафтан, отороченный золотом. Само корзно подбито красным подбоем и застегнуто на плече красной запонью с золотым отводом. На талии золотой пояс с четырьмя концами. И много позолоты: на воротниках, рукавах, подолах. Сапоги востроносые, красные. На голове шапка с красными наушниками и зеленоватым подбоем, с опушкой. И когда только успели все сшить. Ну и мастера.

Оставив мать позади, торжественно пересекает Василий порог собора. Монастырские певчие поют хвалу. Но они быстро стихают. Стоящий рядом с митрополитом игумен Семеновский разворачивает завещание Василия Дмитриевича Задонского. У игумена басистый, крепкий голос. Он громко начал читать: «Я, господин великий князь Московский, Новгорода Нижнего и Муромы, благословляю сына своего Василия... – Тут игумен сбился, там было написано: «А Бог даст сыну моему Великое княжение». Фотий понял и резко кашлянул. Игумен вновь стал читать: «Бог дал сыну моему великое княжение...» Глаза митрополита радостно блеснули. Когда игумен кончил читать, митрополит подошел к Василию и, взяв из его рук шапку, надел ее на голову Василия и, перекрестив, промолвил:

– Благословляю тебя на великое княжение, ниспосланное тебе, рабу Божьему, великим Господом нашим. Служи... – но дальше слова Фотия потонули в несдержанном радостном крике приветствия нового великого князя.

Через несколько дней, когда Москва отпраздновала венчание нового великого князя, к Софье пришли Албердинов, Пожарский, Кутузов, Кошкин, Всеволожский, воеводы Федор Давидович Пестрый, Федор Стародубский Пестрый, Федор Добрынский. Все в один голос заявили: «Госпожа матушка, великая княгиня, поддержи нас перед великим князем Василием. Мы опасаемся, что он в силу своего возраста еще не поймет, что Юрий его лютей враг. И пока он не собрал силы, а до нас дошли слухи, что тот их собирает...» В это время открылась дверь и вошел... великий князь.

– Вы, други мои верные, – надо же такое сказать ребенку, а получилось как у омытого кровью воина, – правильно говорите. И я готов возглавить, – он посмотрел на мать, та закрыла глаза, – наш поход.

Митрополит это замечает:

– Я думаю, что с тобой, великий князь, – Фотий, скрывая улыбку, глядит на Василия, – поедут и Андрей Васильевич, и Петр Васильевич, и Константин Васильевич. – Говоря так, он перевел взгляд на них.

Те согласно кивали головами. В толпе проносится непонятный шепоток.

И вот огромное войско двинулось на Кострому. Василий настоял, чтобы был послан от них человек, который бы предупредил Юрия. «Я не хочу вероломства», – коротко объяснил Василий. Воеводы от таких слов юного великого князя переглянулись. Иван Кошкин проговорил:

– Был у нас такой князь, правда, давно, Святослав, он говорил: «Иду на Вы». Все, кто тут находился, были удивлены. Они еще помнили, что Кобылины – Кошкины не русских кровей. «А надо же... как знают историю, считая ее уже своей. Молодцы!»

Великий князь Василий Васильевич изъявил желание самому вести войско. Дядька Михайло, который не оставил Василия и после возведения того в великие князья, легко поднял суховатого мальчика и посадил его в седло. Он гордо проехал мимо матери, сидящей в карете. Та шепнула Албердову, чтобы он следил за ее сыном. Тот прищипнул коня и поехал рядом с Михайлом. Такой жест молоденького великого князя пришелся по душе воинам. «Дедовская кровь!» – заключили они.

Князь Юрий, получив предупреждение Василия, переодевшись в крестьянское платье, вдвоем с воеводой выехал под вечер незаметно из города и отправился навстречу движущемуся войску. Под утро они были на месте. Выехав на опушку леса, увидели, что вся низина занята войсками. Многочисленные костры озарили зародившееся утро. Да, такое войско он не осилит. Это подтвердил и воевода. Князь Юрий развернул коня и поскорее постарался исчезнуть в лесу, чтобы его не схватили. Примчавшись в Галич, он приказал воеводам срочно выступить из города. На их вопрос: «А куда держать путь?» – князь, не задумываясь, ответил:

– Пока на юго-восток.

Он бывал в этих краях и неплохо знал дороги. Воеводы догадывались, что Юрий взял путь на Новгород Нижний. Там он решил найти себе пристанище.

Сам же князь, явившись на свой двор, забрал семью, казну и двинулся вслед за войском.

На другой день лазутчики, посланные в город, доложили Совету, что князь бежал, скорее всего в Новгород Нижний. Албердов вызвался было преследовать его, но возразила великая княгиня:

– Ты, боярин, достаточно навоевался. Дай и другим.

Андрей поглядел на Софью и догадался: «Княгиня боялась оставаться одна». Всяко могло случиться. Видать, она хорошо понимала, что желающих видеть великим князем Юрия было более чем достаточно. Или этот суровый, опытный князь, который в знак благодарности наградит их разными привилегиями, или этот мальчишка, воображающий из себя черт знает что. Ишь, полководец, от горшка два вершка.

Воеводы обратились было к Софье, но тут появился Василий.

– Я сам решу. Поедет князь... – он посмотрел на присутствующих, – Константин.

На тебе! Посылает брата на брата. Так! А что, умно! И пусть они грызутся меж собой. Константин не очень радостно принял такое назначение. Он понимал, что воеводы, идущие с ним, будут верны Василию. Даже потому, что их семьи остались в Москве. И уговорить их перейти на сторону Юрия не удастся. А война с ним – это ссора в родном доме. Но что делать? Отступить? Отказаться? Это может вызвать подозрение. И дал согласие.

Лицо князя Юрия Димитровича, ехавшего впереди своего войска, было сурово-озабоченным. По нему можно было прочесть, что его прежде всего тревожит мысль: где войско великого князя, не идет ли оно потайными лесными дорогами, чтобы внезапно напасть на него. А поэтому почти непрерывно посылались им воины, чтобы те разведали, что творится по сторонам. И хотя они возвращались с благими вестями, все равно где-то в душе червяком сидело сомнение: не может этого быть!

Он немного успокоился, когда прибыл его лазутчик из стана великого князя и сообщил ему, что Василий послал против него Константина. Юрий хорошо знал военные способности своего брата. И в начале даже напугался. Но по мере своего продвижения, не получая вестей о

преследуемых войсках, понял, что Константин дает ему возможность избежать кровопролитной встречи.

– Хорошо! – молвил он. – Теперь остается одно: как встретит его Новгород Нижний.

Чем ближе были стены этого города, тем сильнее кусал Юрий губы.

В Новгороде Нижнем, еще со времен его отца, правил наместник. Как он себя поведет, вот что тревожило князя. И, как бы в ответ на его тревогу, он увидел, что к нему навстречу скачет небольшой отряд всадников. Кто это? Встречают? Или...

Когда они встретились, из новгородского отряда выделился рослый, здоровый всадник. Он, придерживая танцующего коня, объявил о себе:

– Димитрий Красный-Снабдя, наместник великого московского князя, кто ты будешь, мил-человек, и че ведет тя в мой град?

– Я, – не без гордости ответил Дмитриевич, – князь Юрий, сын Димитрия Донского.

– Прости, князь, не признал. Уже сесть начал, – извинительным тоном молвил тот. – Премного рад видеть и слышать такого князя. Но... только, князь, зачем ты прибыл суда с таким войском? – И показал на него кнутовищем.

Князь Юрий, поддавшись какому-то чувству, оглянулся и увидел изнуренные походом лица воинов.

– Ты видишь их, – повернувшись к Снабде, проговорил князь, – неужели ты не дашь сыну великого князя передохнуть, набраться сил? Если мне нет места в родных стенах, где-то должен я склонить свою голову.

– Князь, – в ответ заговорил Снабдя, – я не виноват, что не ты выбрал твой отец великим князем. Он закрепляет власть от отца к сыну, старшему сыну, – подчеркнул он повышенным голосом, – тем избегает междоусобие, это ты и сам понимаешь. Власть, извини, князь, не за тобой.

– Но ты, наместник, – князь криво улыбнулся, – ошибаешься. Отец мне оставлял великое княжение.

– Ха! Княже, так это потому, что никто не знал, где Василий, что с ним. Но он вовремя явился.

Снабдя победителем смотрит на Юрия и продолжает:

– Как видишь, ломать новый уклад ни церковь, ни бояре не хотят. Я – подневольный человек великого князя. Даст он мне добро на твое здесь проживание, рад буду принять. Но пока я знаю, что по твоим пятам следует войско великого князя. Не суди меня, князь. Но пустить тя в свой град я не могу.

– Я уже почти месяц в пути, – тяжелым голосом заговорил Юрий, – не мылся, сплю на конской шкуре. Не уж непустишь меня, в ком течет кровь Донского, помыться в баньке да выпасться на мягкой постели?

Снабдя был какое-то время в раздумье, потом заговорил:

– Ладно. Только вели отойти твоим войскам на десять верст. Попариться да отлежаться на перине... прошу. – И он знаком руки пригласил князя.

Что оставалось Юрию? Не штурмовать же Нижний, чтоб с тылу ударили войска великого князя.

– Ступай, князь! – Это голоса встретивших его бояр. – А мы сообразим, что и как!

– Так и быть, – со вздохом проговорил Юрий и приказал заматавшемуся в толпе воеводе отвести войска. – Да поглядывай смотри у меня, – наказал он, отправлявшему исполнять приказ, воеводе.

Два дня отлеживался он на перинах наместника. На третий пришел Снабдя и объявил, что московские войска подходят и он не хочет нарушать предписание великого князя.

– Я и так буду отвечать за свою доброту, – проговорил Снабдя.

– Почему? – подивился князь.

– Да потому что не схватил ты да не выдал им.

Юрий ничего не сказал, оделся, осушил стоявшую на столе кружку медовухи, обтер усы. – Благодарствую и за это, – сказал он, накидывая плащ, на улице дождило, и двинулся к двери. Прежде чем выйти, оглянулся. – Ну, бывай.

Вскоре Юрий был у своих. Бояре, воеводы, нетерпеливо ждавшие князя, вмиг окружили его.

– Куды пойдём? – спросили они.

Юрий ответил не сразу. Многие бояре поняли: четкого представления куда идти у него не было. Но ответ они получили.

– Пока Константин будет переправляться через Оку, мы уйдём на восток и подождём их за Сурой.

Напрасно Юрий надеялся, что река задержит Константина. Оку брат преодолел быстро. Поэтому Юрию пришлось поторопить свои войска. Он стал ждать его за Сурой.

Вскоре к берегу подошел Константин с войском. Остановив коня, он спрыгнул с него на густую, некошеную траву и поднялся на высокий обрывистый берег. Отсюда хорошо разглядел войско Юрия и понял, что, отправив часть воинов нижним бродом, о котором он знал, и сделав вид, что будет переправляться здесь, выиграет битву.

Сказал ему об этом и подошедший воевода Федор Пестрых. Его слова, точно укол шилом для Константина. Какое-то время в голове князя шла борьба: «Ну, разобьет он Юрия, а дальше... Василий вряд ли что для него сделает. Сочтет это само собой разумеющимся делом. А он потеряет брата, родного ему человека».

– У тебя заманчивая мысль, воевода, – услышал воевода голос Константина. – Вот только ты не учел одного: нам надо переправляться. Я думаю, он не дурак. – И Константин кивнул в Юрьеву сторону. – Он встретит нас, не развернутых, достойно. Думаю, князь этого и ждет. Ну что, воевода? – И Константин пристально посмотрел на него.

Видно было, как тот замялся.

– Вот видишь, и ты, Федор, сомневаешься. Давай-ка лучше все обследуем, потом решим.

Видя бездействие брата, Юрий приказал разбивать здесь лагерь. Берега реки в этом месте были весьма высоки, и нападавшим будет трудно, много людей поляжет при штурме, поэтому князь и выбрал это место. За пару дней поляну, указанную Юрием, нельзя было узнать. На невысоком холме стояли палатки: князя, церковные и боярские. А воины настроили себе шалашей, где только взяли бревна. Река кипела от рыбы, так что голодать не приходилось. Досаждали только комары, мухи. И все же Юрий занервничал, когда ложился на конскую шкуру. «До каких пор мне скитаться. Я, кому отец завещал великое княжение. Хорош наш митрополит. Ишь, и игуменов против настроил. Ничего, Бог даст, они еще у меня покаются. Вот только у этой литовки отец уйдет в иной мир, я их всех заставлю плясать под мою дуду!» Эти мечты придавали ему силы и терпения.

Князь Константин, воеводы, объехав реку на несколько верст вверх и вниз, чесали затылки. Берега были круты и высоки. Активничал все Федор Пестрый:

– Князь, – обратился он к Константину, – вели мосты наворотить. Лесу подходящего тут хватат.

Но князь в ответ только скривился.

– Пойдут дожди, и все снесет, – проговорил он.

Выйдя от князя, воеводы понятиливо переглянулись. Федор только сказал:

– Ворон ворону... – И оглянулся на княжеский шатер.

– Мда-а, – протянул кто-то из них, и они разошлись.

Как это летом бывает, подул ветер, заволновались березки, зашелестела трава, потускнел от туч день. Константин выглянул из своего шатра. Легкий туман затянул лагерь. Мелкий,

назойливый дождь заставил князя остаться в шатре. Походив взад-вперед, он не нашел ничего лучшего, как лечь на лежак.

Глубокой ночью князь вдруг почувствовал, что кто-то теребит его за плечо.

– М-м-м, – промычал он, открывая глаза.

Над ним стоял бородач с факелом в руке. Константин узнал его. Это был порученец его брата, Юрия.

– Че те? – пробурчал князь.

– Тя, князь, брат ждет, – прошептал тот, склонившись к его уху.

– Брат? – Константин испуганно вскочил.

– Брат, – ответил тот. – Не беспокойся, его тут нету. Пошли за мной. Досед

Они вошли в лес. Идти было просто противно. На каждой ветке было столько воды, что плащ вмиг стал мокрым. Они дошли до обрыва. Ведущий спрыгнул вниз.

– Давай, – скомандовал он.

Князь съехал вниз. Там его поймал бородач. Спустившись к берегу, бородач указал на лодку, вытасненную на сушу. Вдвоем они спустили ее на воду, и бородач взял весло. Константин в тумане не заметил лодки брата, но ее увидел бородач и подплыл к ней. Там сидел Юрий. Константин перешагнул в лодку брата, а гребец перешел к бородачу, и они отплыли.

– Ну, когда пойдешь на штурм, брат? – спросил Юрий.

– Я? Да никогда. Поведу скоро войско назад. Скажу, что нельзя перейти реку. Много людей потеряем. А ты че думаешь делать? – спросил Константин.

Юрий схитрил:

– Да не знаю. – И пожал плечами. – К литовцам мне нельзя. Татары слабы. Вот жисть: и податься некуда. Везде рука Москвы.

– Слышь, брат, а может... – но Константин не успел договорить.

Вскочил Юрий.

– Нет! Я от своих прав отказываться не собираюсь. Шас думаю на годок заключить мир, а там видно будет.

Константин понял, что постоянного мира брат заключать не думает, а выжидает возможности напасть на Василия.

– Я, брат, че мог, то сделал, – сказал Константин, – а дальше, как Бог повелит, – уклончиво промолвил Константин.

– И на том спасибо! – проговорил Юрий и свистнул.

Вскоре подплыла лодка с бородачом. Константин перешел к нему. Юрий приказал проводить князя до шатра. Весь мокрый, словно искупался в реке, но зато никем не замеченный, вернулся Константин к себе. А утром отдал приказ о возвращении в Москву.

В тот же день Юрий тоже приказал сворачивать лагерь и направляться в Галич. Услышав о том, что князь распорядился ехать в Галич, княгиня недовольно сморщилась.

Она там уже бывала. Дикий угол, причем дряхлый. В нем много сохранилось строений, которые построил еще первый удельный князь Константин Ярославич, брат Невского. Кроме рыбалки на озере да охоты в окружающих лесах, там нечем заняться. Даже Звенигород – и тот заткнет за пояс этот городишко, тот рядом с Москвой, где такие базары. Но ее не поддержали сыновья. Старший Василий Косой и Дмитрий Шемяка в один голос хвалили решение отца. Там, вдали от московских глаз, они накопят силы да так вдарят по Москве, че Ваське не сдобровать. Третий сын Дмитрий Красный молчал.

Да, Галич город самый восточный Северной Руси. Одна в нем прелесть, сюда даже татары не ходили: боялись лесов и топий. Добравшись до города, князь поселился в хоробах, доставшихся от Константина. Крышу пришлось менять. Заменяли кое-что из хозяйственных построек. Знал, ни один год тут придется ждать своего времени. Оттуда он прислал великому князю письмо, в котором просил заключить перемирие сроком на один год.

Собравшийся княжеский совет решил, что Юрий не хочет заключать постоянного мира, собирает силы и что-то задумал. Необходимо его убедить о подписании вечного мира. Вскоре Софья получила от отца письмо, в котором тот советует добиться от Юрия заключения вечного мира. Митрополит Фотий, узнав об этом письме, сам вызвался ехать к Юрию в Галич, чтобы уговорить того о заключении вечного мира.

Узнав о том, что к нему едет сам митрополит, Юрий, чтобы показать свою мощь, собрал всю чернь со всех окружающих деревень и поставил ее близ городских ворот, на холме – так, чтобы Фотий мог видеть громадную человеческую мощь, а сам с боярами и детьми выехал к нему навстречу. Встретившись, он преклонил колени вышедшему из возка митрополиту и поцеловал его сухую, с тонкими бугастыми пальцами руку.

– Садись, князь. – Фотий кивнул на свою повозку.

Пропустив вперед Фотия, он залез за ним, сказав, что жарко в повозке и дверь не стал закрывать: пусть дивится, сколь у меня народу. Проехав мимо него, митрополит сказал:

– Сын, князь Юрий! Не видывал я никогда столь народа в овечьей шерсти.

Князь понял, что митрополит этим хотел сказать, что люди, одетые в сермяги, никчемные воины.

Встреча проходила в светлице княжеских хором. Была середина лета. Стояла жаркая погода. Окна, двери были открыты настежь. Прохладный ветерок спасал от жары. Митрополит уселся поудобнее.

– Как, князь, тут устроился?

– Да, как видишь, владыка. Жить можно.

– А твоя-то церковь, того и гляди, рухнет. Ее еще Ярославич ставил. Так она и не обновлялась

– Ты, владыка, прав. Сделаю. Обязательно сделаю. На то те мое княжеское слово.

– Хорошо, сын князь Юрий, но как думаешь, че меня привело в этот край.

Юрий хитровато посмотрел на Фотия.

– Да, думаю, давненько здесь не бывала митрополичья нога Надоть жить посмотреть свою паству.

Фотий усмехнулся.

– Велика земля Русская, везде не побывать. Знашь ты, князь, зачем я суды прибыл, не хитри. И людей ты мне показал: мол, гляди, митрополит, кака за мной силища. Не уж те, князь, не жаль этих людей. Вот скажи мне, пошто отец твой, ся не жалея, бился со злым ворогом? – сказав, Фотий пристально стал смотреть на князя. Лицо его порозовело, глаза почти не мигали.

– Ну... чеп дань не платить, свободу получить, – как-то неуверенно ответил Юрий.

– Это ты верно молвил, князь. Но для кого своих людишек показал? – Лицо Фотия вновь окаменело.

– Че ты хошь, владыка? – спросил князь.

– Хочу, чеп ты подписал вечный мир.

– Не-ет, владыка! Прости! Ты скажи мне, пошто не выполнил завещание моего отца? – Глаза князя сощурились, брови сошлись на переносице.

– Сын мой, князюшка! Да когда твой отец, светла ему память, – митрополит перекрестился, – писал свою бумагу, у Василия не было дитяти. Если Русь вновь пойдет на отчину да дедину, че будет. Пошто татарин нами овладел? – Митрополит даже изогнулся, стараясь заглянуть в глаза князю.

Тот молчал.

– Молчишь. А знашь, че русские князья грызлись меж собой хуже голодных собак. Брат шел на брата, сын на отца, дядю... Ты етого тоже хочешь?

Но князь продолжал отмалчиваться.

– А народу ето надоело, ты бы поездил, – заговорил митрополит, – по нашим церквам, услышал бы, чего народ говорит. Жаль, что не все князья ето слышат. Но священство услышало глас народа, а ето глас Божий. Русь должна быть в едином кулаке. Тогда Русь выстоит в борьбе с врагами, а смерды смогут спокойно обрабатывать землю, кормить тя, князь, да твое воинство. Ты че, князюшка, молчишь? Аль не согласен?

– Не согласен, – ответил наконец князь.

Митрополит посмотрел на кувшин, на стенах которого искрились капли от налитого холодного кваса, протянул к нему руку и глянул на князя. Тот сидел истуканом, упорно глядя в одну точку. Владыка плеснул в бокал кваску, сделал несколько глотков.

– Жаль, коль не договорились. Смотри, сын князюшка, как бы каяться не пришлось. Ну, прощевай.

Князь сделал попытку проводить владыку, но тот поднял руку:

– Не надо. – И, стуча посохом, направился к двери.

Проезжая мимо церкви, он увидел там множество народа. Заметив, что повозка владыки прошла мимо, народ изумился.

– Че ето, братцы, – раздались голоса.

Бабы завывли:

– Горе нам! Горе!

Не прошло и суток, как в Галиче начался мор. Первой жертвой стала старая Евлатия. Шла бабка по дороге. Вдруг ей сделалось плохо. Подошла она к плетню, схватилась за него крюкастыми пальцами, да не удержалась. Ноги подкосились, и она упала на землю. А изо рта пошла пена. Подскочил народ, толпа быстро собралась. А тут вдруг старик Ульяных точно так же на землю повалился, пена изо рта, только успел промолвить:

– Антихрист ки...

И голова упала набок. Не успела толпа опомниться, как из избы Авдоха выбежала и голосит, что муженек ее невесть от чего преставился. Понял народ, что проклят. Только кем, пошто митрополит мимо проехал. Когда вечером к князю зашел его дворский и тот услышал от него, что народ мрет, словно мухи на морозе, Юрий побледнел. И он вспомнил владыкины слова: «Смотри, князюшка, как бы каяться не пришлось». И в подтверждение этих слов вдруг у его ворот на ночь глядя стал собираться народ. Догадался князь, что привело их к его двору. Мелкой дрожью задрожал. «Взбунтуются люди, а защитить тя некому». Воины его по деревням разосланы. Кормиться – надо. Ничего не остается князю, как идти к народу. Вышел он, держа факел в руке. Толпа грозно молчит.

– Люди! Не тревожьтесь более. Богом клянусь, верну завтра же митрополита. Вот крест вам. – И крестится размашисто, торопливо.

– Ладноть, – послышалось из толпы, – до завтра подождем.

Толпа подтвердила эти слова гулом. Князь вернулся к себе, упал перед иконой и стал благодарить Бога, что отвел тот беду от его хором.

Утром, еще не рассвело, а князь уже скакал по берегу озера, чтобы догнать митрополита. Но владыка не хотел и слышать его, даже дверцы не открыл. Тогда князь упал на колени перед лошадьми. Повозка остановилась, подполз Юрий к дверцам и еле уговорил Фотия вернуться. Заехав в город, владыка подъехал к церкви, благословил народ, мор заметно пошел на убыль. Увидя такое действие, князь вызвал к себе двух бояр и в присутствии владыки приказал им ехать в Москву и подписать договор, в котором бы говорилось, что он не будет искать великого княжения сам, – сказав это, он замолчал и посмотрел на владыку. Тот сидел невозмутимым. Один из бояр спросил:

– Все?

– Нет! – резко ответил князь. – В дальнейшем хан пушай нас рассудит.

Договорив, он скосил глаза на митрополита. Но по лицу того нельзя было ничего прочитать. Хотя владыка понимал, что до конца надежду князь из себя не вырвал. «Пушай пишет, – подумал владыка, – кто ныне на это смотрит». Когда митрополит покинул княжеские хоромы и с проводов владыки возвратился князь, его обступили сыновья. И Косой, и Шемяка не сдерживали своих эмоций, поздравляли отца за твердость и неуступчивость великому князю Московскому. Они готовы были хоть сейчас идти и биться за отца.

– Не время, сыны мои. Наше время еще не наступило, – стараясь охладить их пыл, проговорил отец.

Все же этот договор не устроил Софью. И она, поговорив с Фотием, немедля отбыла к отцу в Вильно за советом. Но покидала она отца с тоской в сердце, выглядел он очень жалко. Она даже хотела остаться, но вспомнила о сыне и решила вернуться. Потом она сделала все, чтобы о поездке в Вильно узнал Юрий. Тому связываться с Литвой был не резон. Он знал Витовта, его положение, и, чего греха таить, побаивался литовского князя.

Шло время, а в Орду никто не собирался ехать. Но однажды в город забрел какой-то монах. А в этом забытом Богом уголке приход всякого человека – событие. А тут монах, божий человек. Дошло это и до ушей князя. Он вспомнил мор и понял, что этот божий человек неслучайно здесь. Это напоминание... И он вновь посылает бояр, чтобы подписать новый договор, в котором он признает себя младшим братом и обязуется не искать великого княжения. Москва облегченно вздохнула. Все, противник сдался, можно торжествовать победу. Больше всех радовался юный великий князь. Мать вернулась из поездки в довольно расстроенных чувствах. Увидя торжествующего сына, положив его голову к себе на колени, глядя темные волосы, тихо говорила:

– Василий, твой дед очень плох. Боюсь, долго ему не прожить. А твой дядя только и ждет этого момента, поверь мне.

– Да ты че, матушка, волнуешься. Он же подписал договор, че больше не будет искать подо мной великого княжения.

– Сынок ты мой ненаглядный, дитя ты еще малое. Да сколь таких бумаг писали разные люди и нарушали их. А тебе надо учиться и понимать, что люди есть и без совести и чести. Ты никого не послал в Галич следить за дядькой?

– А че, надо? – поднялся Василий.

Взгляд его был настолько наивен, что мать не удержалась и поцеловала его.

– Наивная ты простота, князь Василий. Надо людям верить. Но не грех и проверить. Вот пошли-ка кого-нибудь тайно, понял меня, тайно в Галич, что там собирается делать князь Юрий. Это не худо знать. Пошли купчишку какого аль просто скитальца, только толкового. Попроси Андрея Албердинова, боярин те поможет. Да держи в советниках Ивана Кошкина. Ему сильно доверял твой отец.

Василий посмотрел на мать другими глазами. Ей показалось, что он даже повзрослел.

Глава 6

Княгиня Софья Витовтовна была совершенно права, опасаясь за своего отца. Его поездка в Ливонию стоила ему здоровья. То весенняя распутица, то жара, то дождь со снегом сделали свое дело. Порой, промогший до нитки, он не находил места, где бы мог обсушиться, надеть сухое теплое белье. Получив от магистра полную поддержку, он за это расплачивался своим здоровьем. Но решил не сдаваться. Вернувшись, от врачей потребовал, чтобы они сделали, но подняли его на ноги. Даже в постели он продолжал готовиться к борьбе, первым делом спросив, как его пленники. Ему доложили, что его требование было выполнено. Их хорошо кормили. Даже раз в неделю выводили на свежий воздух. Князь облегченно вздохнул: «Хоть здесь хорошо».

Узнав, что в Городне все же состоится сейм, он решил, вопреки воли лекарей, ехать туда и там уничтожить этого ненавистного ему епископа, вставшего на его пути к трону. Он уже видел, как тот, опираясь от сего сказанного против него, сам перейдет в атаку и станет его, Витовта, обвинять в разных злодеяниях, в том, что он под пытками хотел вырвать у Януша признание, что тот прелюбодействовал с королевой. Но Януш, совестливый и порядочный шляхтич, не мог этого подтвердить, так как я не применял пытки. А этот князь, и будет показывать на меня пальцем, убил его. И тут входят его бывшие посланцы-убийцы. И он, Витовт, видит, как побледнел епископ, он даже стал ниже ростом. А арестанты, тыкая пальцами в ежившегося в комок епископа, все рассказывают сейму. Поднимается шум. Все требуют суда над епископом. И он, Витовт, выходит с сейма победителем. У Ягайла нет наследников, и он забирает у него корону. Он – король! И его внук – тоже будет королем! А его дочь Софья – мать короля. Эти мечты даже придавали ему силы.

Для этих пленников он приказал приготовить карету без окон, с усиленными запорами. На охрану выделил сотню отборных воинов. Но и в Кракове не бездействовали. Первым делом епископ любопытствовал: получил ли Витовт приглашение. Ему ответили утвердительно. Он стал кусать губы: «Как же он мог упустить это дело?» Что-то не было никаких сведений от его посланцев. Что с ними? Неужели их схватили люди Витовта? А че с Янушем? Жив или нет? Срочно надо об этом узнать. И он посылает одного переодетого монаха постараться все разузнать об этом деле.

Тот прибыл в Вильно, когда великий князь Витовт выступил в Городно. Этот город находился на его, литовского князя, земле. Почему так решил король, Витовт только догадывался: Ягайло решил показать полякам, кто в доме хозяин. Вот захотел он, и поляки едут в Литву. Пускай знает этот гордый Витовт, что он, король, не интересуется его мнением.

От Вильно до Городно рукой подать. Но хозяин земли поехал пораньше, чтобы все оглядеть своими глазами и не ударить в грязь лицом. Он догадывался и до другого, что епископ уже понял, что он, литовский князь, схватил его убийц. Теперь ему надо убрать их во что бы ни стало. Поэтому он захватил их с собой.

В Городно была своя темница. По прибытии в город Витовт приказал ее освободить и поместить туда пленников. Чтобы узнать, как они разместились, он пришел их проведать. Уходя, сказал: «Смотрите не подведите себя. От меня же получите землю с хозяйством и по пятьдесят золотых». Те в голос благодарили такого великодушного князя, заверяя, что все выполнят, как он им сказал. Витовт уходил от них спокойным, наказав охране никого не подпускать. И с посадником пошел осматривать город и готовить хоромы для короля. Настроение у него было великолепное.

Монах тщательно осмотрел внушительную литовскую колонну. Ничего подозрительного не заметил. Кроме одной, без окон, повозки, тщательно охраняемой воинами. Увидев это, он поспешил в Краков и все рассказал епископу Збигневу Олесницкому. Тот скрипнул зубами.

Он понял, что Витовт приготовил для него смертельный удар. Что-то надо было предпринять. Но что? Мысли не приходили в голову. Стража день и ночь бдит эту повозку. К ней не подходить. Капли крови запеклись на его губах. Епископ стал на глазах таять. Как-то король, увидев епископа, сильно удивился. «Вы устаете. Вам надо развеяться. Поехали завтра со мной. Я купил новые пушки и хочу посмотреть, как они стреляют». Епископ участвовать в битвах как-то не собирался и решил отказаться. Но король был настойчив и утром заехал за ним. Королю, конечно, трудно отказать. И епископ вынужден был поехать.

Стрельбище проходило недалеко от Кракова. Для этого была выбрана большая поляна. Пушки были готовы к проверке. Их поставили в ряд, оставив место на случай взрыва ядра в стволе. Королю и епископу показали пушки и ядра к ним. Рассказали, как они действуют

– Что, – переспросил епископ очень заинтересованным голосом, – они разрываются?

– Да, – ответил офицер, – разрываются. Осколки от взрыва разлетаются и поражают врагов. Хотите, я вам покажу? – Офицер посмотрел на короля.

Но его опередил епископ.

– А покажите! – воскликнул он.

Король просьбу подтвердил. Офицер приказал пушкарю зарядить пушку.

– Должен вам сказать, – проговорил офицер, – что, попади ядро в карету, где сидит вражеский полководец, ни от кареты, ни от полководца ничего не останется, – не без гордости заявил он.

– А можно посмотреть, как это будет выглядеть? – спросил епископ.

Король рассмеялся.

– Если ваше преосвященство... – Ягайло посмотрел с улыбкой на Збигнева, – поставит свою карету.

Епископ не ответил, но отступил на пару шагов. Помог офицер.

– Да мы найдем другую карету, правда, старую, – как бы извиняясь, проговорил он.

– Ничего, пойдет. – Олесницкий вернулся на место.

Выстрел был удачный. Карету разнесло в щепки. Глаза епископа засветились непонятной радостью.

– Скажите, – не отставал епископ, – а могут они, – он показал на ядра, – взорваться так... не в пушках.

– Конечно, могут. Только надо поджечь фитиль. Когда огонь попадет вовнутрь, ядро взрывается.

– Благодарю! – епископ даже пожал руку офицеру.

Очень благодарил и короля, так что офицер вынужден был сказать:

– Но вот видишь, ваше преосвященство, какой хорошей оказалась поездка. Так что почаще надо слушать королей. – И засмеялся.

День открытия сейма приближался. Туда уже отбыл король. За последнее время он разлюбил быстрые поездки, требовал частых остановок, поэтому и выехал заранее, пригласив с собой епископа. Но тот, сославшись на занятость, сказал, что догонит. А задержался затем, чтобы разыскать нужных людей для исполнения его тайного замысла. Когда он убедился, что перед ним были те люди, которые ему нужны, жестом пригласил их в свою карету. Их было двое. И они являли собой ту породу шляхтичей, которые за злотые готовы урыть любого. Ума у них было не отнять. Они быстро сообразили намерение епископа. Заверили его, что умеют обращаться с ядрами, достанут их:

– Не беспокойтесь, ваше преосвященство, все сделаем.

А обещанное закрепили клятвами своих матерей. За что получили хороший задаток. Епископ спокойно отправился в дальний путь.

Там, в Городно, Витовта нашел псковский посланец и передал ему просьбу горожан пригласить к ним своего человека, чтобы тот помог им обороняться от немцев.

– А пошто не просите молодого русского великого князя? – спросил он, поочередно поглядывая на псковитян.

– Да... – замялись те, – он ведь... того... э...

– Мал, хотите сказать? – спросил Витовт.

Те закивали головами.

– Да-да, великий князь, – раздались их голоса.

– Завтра получите ответ, – сказал Витовт и дал понять, что аудиенция окончена.

Подталкивая друг друга к выходу, послы удалились.

Витовт заходил по кабинету. Очень не хотелось омрачать начало правления внука. И в то же время они могли дойти и до поляков, коль земли соединены. А этого не хотелось бы допустить. Тогда поляки могут задышать ему в спину. И он решил помочь. «Потом напишу Софье. Они там все поймут», – решил он. И послал наместником одного своего боярина.

Но тут жизнь закрутилась так, что ему не оставалось времени до сна. Хоть престижно на своей земле проводить такой сейм и принимать таких людей, но сколько жалоб вдруг услышал он! Одному князю не нравятся хоромы, видите ли, они кажутся ему сырыми. Другой требует, чтобы его спальня была на север, а не на юг. Раннее солнце ему не дает спать. Третий... да разве все перескажешь? Но вот прибыл и сам король. Он хоть не донимал братца. Замок, в котором того поселили, был построен великим литовским князем Гедимином. В замке все оставалось так, как было при нем. А быть здесь для любого – великая честь.

И настал день открытия сейма. В зале последние приготовления, и прибывшие толпятся во дворе. Благо прекрасная погода. Но разбились они на кучки. Литовцы стоят отдельно. Лица их суровы. Они не очень любезно посматривают на поляков. Особенно им не нравится шляхта. Смотрят вызывающе. На поясах под богатыми плащами видны на длинных привязях кривые сабли. Одеты с какой-то изысканной небрежностью. Рубахи у многих расстегнуты до пупа, цветные портки небрежно заправлены в сапоги с высокими голенищами. Лихо закрученные усы как бы говорят о боевом настрое их хозяев.

Польские вельможи стоят отдельно. Они степенны, одеты в дорогие одежды. На многих золота столько, что им можно было позолотить ни один церковный купол. Но вот раздается рев трубы. Что-то напоминает тевтонский призыв к бою. Неторопливо трогаются польские и литовские вельможи, за ними шляхта и люди помельче.

Зал забит. Но стоящее на пьедестале кресло пусто. Ягайло что-то выжидает. Если бы кто-то заглянул в соседнюю комнату, то увидел бы отрешенного от всего Ягайло и епископа, что-то говорящего королю. Наконец он замолкает и подходит к королю. Тот... дремлет.

– Ваше величество, – трогает он за плечо короля, – вас ждут.

– А-а! – Король открыл глаза и вспомнил, зачем он здесь.

Он тяжело, нехотя поднялся и не очень внятно проговорил:

– Как мне надоели эти обезьяны!

– Что вы сказали? – спросил епископ, наклоняя ухо к королю.

– Да... – И бранью ответил.

– Ваше величество, – патетически воскликнул епископ, – вы – король!

Тот посмотрел на него из-под полуприкрытых век и ничего не ответил.

Глава 7

Княгиня Софья еле достояла окончание заутрени. Был воскресный день, и народу в церкви набилось, как рыбы в бочке. Выйдя на улицу, княгиня остановилась и несколько раз вдохнула прохладного воздуха. Он придал ей бодрости, и она споро пошла к своим хоромам. Подходя к воротам, увидела ходящего взад и вперед высокого, начавшего полнеть, мужчину. Он явно кого-то ожидал. «Кто это?» – подумала она, боязливо оглянувшись назад. Там, у церкви, толпился народ, а поблизости никого не было, спутницы-служанки не в счет. Но Софья решительно направилась к себе, не спуская глаз с этого неизвестного. И чем ближе она приближалась, тем больше он ей казался знакомым. Но кто он, она вспомнить не могла. Когда с ним поравнялась, то в памяти внезапно всплыла его фамилия.

– Неуж... Елферьев? – спросила она.

У мужчины от неожиданности расширились глаза.

– Э... великая княгиня? – не очень уверенно произнес он.

– Что, я так постарела? – улыбаясь, спросила она.

– Вы... вы... божественны! – И он упал перед ней на колени.

– Встаньте! – украдкой поглядывая по сторонам, бросила она.

Он поднялся.

– Позвольте мне, матушка великая княгиня, приветствовать вас и сказать... – Лицо его покраснело. – Вы моложе, чем я вас видел в последний раз.

– Помолодела! – съязвила она.

Мужчина поспешил поправить свою оплошность.

– Простите, матушка великая княгиня, я хотел сказать, что вы несколько не постарели.

Пока он говорил, его лоб покрылся потом. И рукавом дорогого бархатного платья пришлось обтирать его.

– Вы кого-то ждали? – спросила княгиня, наклонив голову.

– Я? – почему-то удивился мужчина.

Софья поняла, что он до сих пор сильно волнуется. Ей стало его жаль, и она пригласила собеседника в хоромы.

– Пошли! – И показала ему на свой дом.

Они зашли в светлицу. Софья, сев на место великого князя, пригласила этого неожиданного гостя присесть на скамью.

– Я... – начал он, – хотел передать для великого князя, светлая ему память... – Он перекрестился. – Заказ.

«Да он... купец!» – окончательно вспомнила княгиня.

– Да... – Она тяжело вздохнула. – Ушел от нас Василий Дмитриевич, царство ему небесное. – Она вновь тяжело вздохнула, а лицо ее опечалилось.

– Вот! – И он достал из кармана ожерелье и положил его перед ней.

Когда она на него взглянула, кровь ударила ей в голову. Такое впечатление оно произвело на хозяйку. Признаться, подобной красоты она еще не видела. Золотую цепь тонкой работы украшали необыкновенные камни. В центре, горя всеми цветами радуги, в золотой оправе светился бриллиант с воронье яйцо. А от него в обе стороны разбегались уменьшающиеся в размерах изумруды. Причем цвет их темнел по мере удаления от бриллианта.

Софья поняла, что эта вещь сказочно дорога. Что же ей делать? Пока сын не набрал сил в управлении своего княжества, такие траты она себе позволить не может. Ее красивые губы сжались. Вздохнув, она осторожно подняла ожерелье и попыталась вернуть его купцу. Но тот замахал руками:

– Вы что, матушка великая княгиня, я не возьму его.

Княгиня подумала, что ему нужны деньги, он потратился, приобретая это ожерелье.

– Я не могу его взять. У меня трудности с наличностью. Уж много дел затеял юный князь, – как бы в оправдание, произнесла она.

– А мне, матушка великая княгиня, никаких денег от вас не надо. Мне их дал еще великий князь, когда был жив.

– Василий оплатил? – не без трудно скрываемого радостного удивления, спросила она.

– Да, – подтвердил купец и добавил: – Великий князь Василий, подавая мне деньгу, сказал: «Купи для моей Софьюшки самый лучший подарок».

От этих слов у княгини на глазах навернулись слезы.

– Как ты звать-то, мил-человек? – спросила она, наклонив голову.

– Меня? – неуверенно отозвался он.

Та кивнула.

– Да Федором, как мойго деда.

– Федор, значит, Игнатич, – сказала княгиня.

Купец расцвел в улыбке и развел руками:

– Матушка великая княгиня, ты помнишь мойго батяню.

– Как не помнить. Сколь раз он бывал у нас. Скажи-ка, где ты бывал?

– Я-то был в Кафе.

– Это... в Крыму? – спросила Софья.

– Да, в Крыму, – ответил он.

– Ну, как там, в Крыму-то?

Купец махнул рукой:

– А, по-разному живут в Крыму... Крым. Родина Тохтамыша. Это тот хан, который последний раз захватил Москву, – пояснил Федор, уловив непонятный взгляд княгини. И добавил: – Он потомок Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи. В Золотой Орде на Крым с его торговыми городами смотрели, как на бриллиант в оправе чингисовских завоеваний. Тохтамышу пришлось бежать и искать приют в Самарканде у Тамерлана. Орда подгребают под себя Крым. Особенно старается нынешний хан Орды Улу-Мухамед...

Слушает его Софья, а сама думает: «Вот этот купец так много знает, а мы после ухода моего ненаглядного Василия потеряли все концы. Надо сказать об этом великому князю, пусть-ка он попытает на его дело молодого Федора Федоровича Кошкина». Заметив, что глаза княгини устремлены куда-то вдаль, купец замолчал.

– Сказывай, сказывай, – произнесла княгиня, как бы очнувшись.

– Да... – он неуверенно пожал плечами, – вроде... все.

Софья поощряюще улыбнулась.

– А о самой Орде что-нибудь знаешь? – спросила она, слегка склонив голову.

– Да... слышал я, че щас два хана, внуки того Тохтамыша, Ахмат и Махмет.

При этих словах княгиня усмехнулась:

– Ну и имена, – удивилась она.

– Да... такие уж есть, – зачем-то сказал Федор.

– Федор, – княгиня встала, – я благодарю тебя, что ты с таким вкусом выбрал это ожерелье. Теперь буду знать, кому давать заказы. Еще хочу тебя просить: я вижу, вы, купцы, многое знаете. Тя не затруднит, если, когда что-то будет интересное, рассказать великому князю. – Княгиня склонила голову.

– Премного, матушка великая княгиня, буду щаслив в чем-либо услужить великому князю.

– Вот и хорошо. А это... – она достала из стола колечко с бриллиантом, – те за твои труды. – Княгиня взяла его руку и вложила в ладонь свой подарок.

Расстались они весьма довольные друг другом.

Но, как только стихли шаги гостя, раздался звон колокольчика. В дверях появился слуга.

– Слушаю, матушка княгиня, – сказал он и склонил голову.

– Найди мне Федьку Кошкина. Пушай живо идти ко мне.

Федор Федорович Кошкин, младший брат Ивана Кошкина, был выше среднего роста. С темно-русскими волосами и бородкой, аккуратно подстриженной. Прямой нос, высокий лоб и выразительно-внимательные глаза придавали ему вид умного, серьезного человека. Коим он был и на самом деле.

– Желаю здравия, матушка великая княгиня, – произнес он, склоняясь и прижимая руку к груди, – слушаю вас, – и выпрямился.

– Садись, Федор. – Княгиня перстом указала ему на кресло.

Он сел.

– Я, – начала она, – пригласила ты, боярин, ибо слышала о тебе много лестного о твоих знаниях и способностях разгадывать разные тайные дела.

Боярин стыдливо усмехнулся:

– Наговаривают, матушка великая княгиня, наговаривают. – В его голосе чувствовалось какое-то стеснение.

«Ишь, скромник, а ето неплохо», – подумала княгиня, а вслух произнесла:

– Будет, будет скромничать. Ты, чай, не девка. Замуж я тя не отдаю.

– Да я уж женат, – в тон ей ответил боярин.

Княгиня рассмеялась. Потом, посерьезнев, сказала:

– Хочу, чтоб ты, боярин, помогал великому князю, следи, че делается за нашими границами. Особлево надо знать, че делается в Орде. Хоть послабела она, но, поди ж, нашелся хан, Тохтамыш, который захватил Москву. Все перед этим в ладоши били, мол, все, кончилась власть Орды. А... так что, знать надобно, следить за ней, че они задумывают.

Боярин ответил не сразу. Было видно, он обдумывает, что ответить княгине. Дело, которое взваливает на его плечи княгиня, он понимал, очень ответственно. Допусти промашку, и голову можно потерять. Княгиня поняла его.

– Если ты, боярин, думаешь, че не осилишь, так и скажи. Я люблю правду.

– Я думаю, матушка великая княгиня, осилю. Но буду деньгу просить, чеп давали, – заявил он.

Княгиня понимающе закивала головой.

Оставив княжеские хоромы, боярин отпустил карету, решив в одиночестве пройтись и обдумать все сказанное княгиней. Хотьба помогала ему думать. Он пришел к выводу, что надо искать людей, какими-то корнями они связаны с Ордой. А также задумался, почему княгиня не поручила это дело Стремилину, ранее занимавшемуся этими проблемами. И решил встретиться с Дмитрием Зерно, потомком Мурзы Четы, бежавшего в Москву еще при Калите и со Стремилиным. А еще хотьба помогла сделать ему вывод: княгиня вовремя спохватилась, а юному великому князю нужно время, чтобы охватить весь объем княжеских забот.

Да, княжна вовремя спохватилась, поняв, пока она горевала, дела потекли неуправляемо. Хорошо, что она свозила Василия к его деду, чтобы тот взял на себя заботу о нем. Тот не только это сделал с охотой, но и дал намек, пока не понятный даже ей, дочери великого литовского князя. Но что он готовит что-то большое для Василия, это она поняла. Но что? А не сказал потому, что боится, если, кто прознает, может помешать. От этой мысли она перебежала к Юрию, томящемуся в Галиче. Как он там? Готовит что или нет? Туда тоже кого-то надо послать. Но кого? Решила посоветоваться с боярином Албердиновым. Но тот по-прежнему проживал не в Москве. А по праву мог бы. Некогда завоевывал Двинскую землю для княжества. «Щас велю ему вернуться в свои хоромы, здесь, в Москве», – подумала княгиня и послала за ним нарочного.

Федор Кошкин уже на другой день решил действовать. Первым, кого он посетил, был боярин Дмитрий Зерно. Это был уже немолодой, лет шестидесяти, человек. Хотя он был третьего поколения от истинного татарина, но татарское в нем угадывалось с первого взгляда. Невысокий, коренастый, с черными, с раскосинкой, глазами. Узнав, что хочет княгиня, он тягостно вздохнул:

– Будь я помоложе, взялся бы за дело. Но я вряд ли доберусь. А вот Костя, мой Шея, сгодится. Седня он отъехал, а завтра вернется, и я к те, боярин, пришло.

На этом и порешили.

Время было, и Федор решил зайти к Стремилину. Хоромы дьяка были небольшими, но везде чувствовался порядок: что во дворе, что в доме. Его встретила немолодая полноватая хозяйка с круглым лицом. Платок прятал второй ее подбородок. Узнав, зачем пожаловал боярин, она засуетилась и как-то виновато извинилась:

– Да мой Алешенька... болен.

– Эй, кто тама, Настенька? – раздался в проходе чей-то голос.

Она открыла соседнюю дверь.

– Да к те, Алешенька, боярин от княгини пришел, хочет о чем-то поговорить с тобой.

– Пушай, кхе, кхе, войдет, – приказал он.

– Проходи, боярин, – сказала Настенька, широко отворяя дверь.

Да, Стремилин был болен, и, видать, серьезно. У него был нездоровый, какой-то желтый цвет исхудалого лица. Он попытался подняться, но, видать, не хватило сил, и упал на подголовник.

– Ты лежи, лежи, мил-человек, – сказал подошедший Кошкин, беря себе ослон, – я к те от матушки великой княгини, – доложил он больному, – она повелела мне заняться ордынскими делами.

– Спихватились-таки! – обрадовано проговорил Стремилин. – А я уж думал, молодец княгиня. Василий-то их дже молод. Помогать ему надоть, кхе, кхе, – закончил он.

– Ты бы, Алешенька, помолчал. Ишь, какой кашлюн нападат, – посоветовала Анастасия.

– Ничего, Настюшка, лучше горло прочищу. А ты боярина угости, – напомнил дьяк.

– Ой, и правда! – воскликнула та, покраснев от смущения, что сама не предложила угощения. – Я побегу. – И быстрым, энергичным шагом вышла из опочивальни.

Проводив хозяйку взглядом, боярин повернулся к больному:

– Если те не трудно, Расскажи, че знашь, – попросил гость.

Как оказалось, знал он многое. Но прежде чем начать говорить, дьяк взял с приставного столика бокал с каким-то напитком и попытался приподняться. Федор понял, что больному самому не подняться, помог ему. Тот глазами показал на подголовник, лежащий в его ногах. Боярин понял и подложил его ему под голову. Пока тот пил, Федор оглядел опочивальню. Это было небольшое помещение с двумя окнами с цветными шторами. Широкая дубовая кровать с двумя перинами. В углу дальней стены, у окна, стол с бумагами и деревянным креслом с высокой спинкой, плотно придвинутое к столу. На стене, за кроватью ковер, довольно красивый, с цветами и необыкновенными птицами. На стене, против окна, голова оленя с ветвистыми рогами, а рядом огромная шкура медведя, где такого нашли, завешенная разным оружием. Особенно выделялись дамасская сабля с позолоченной рукоятью и рыцарский меч с крестообразным приемцем. У входа поставец. В приоткрытую дверцу видно, что он забит одеждой.

Кончив пить и поставив бокал, дьяк обтер начавшие сесть обвислые усы.

– Так вот, – начал Стремилин.

От этих слов боярин встрепенулся и уставился на Алексея.

– Я занимался Ордой. Че скажу. Тама еще до Мамаея началось деление Орды. Ее поделил Мюрид и Абдула. А вот третьему хану, Пулад-Темиру, ничего не досталось. Кхе, кхе. – Стремилин опять потянулся к бокалу. Сделав несколько глотков продолжил: – И етот Пулад

подался в древнюю страну Булгарию и утвердился там. Че я хочу сказать. Кхе, кхе. Это прекрасный край. Богатый и землями, и зверем, и рыбой. Вот куды, думаю, Москве свой взор направить. Стару Орду не возродить. Если Димитрий Донской ее тяжко ранил, то Тимур нанес ей смертельный удар. Хотел тот было и Московию заодно прибрать. Да непобедимый Тимур был побежден нашим Василием Дмитриевичем. Задонским.

– Ето я знаю, – вставил слово боярин.

– Мало знать. Надоть и оценить, – заметил больной, – а мы уж и забыли. А помнить надоть. – И опять потянулся за бокалом. Смочив горло, продолжил: – Пулад напал было на Новоград Нижний, да евоный князь Димитрий разбил его. Тому пришлось бежать в Орду. А там уже правил хан Азыз. Он и убил Пулада. Вот щас ты бы подсказал молодому князю, в аккурат бы и забрать те земли. А то боюсь я, как бы Орда туды не перешла. Даст она тогда нам забот.

– Да черт с ним, с етим Пуладом, а насчет занять ту землицу я попробую. Но ты скажи мне, Алексей, хто у тя есть в Орде аль нет?

– Есть, есть! – В голосе прозвучала обида.

Он давно болел, его почти перестали посещать, а поговорить было охота. Боярин же обрезал его. «Ну че, боярину-то дело надоть делать», – подумал Алексей.

– Хто поедет в Орду? Ты? – спросил Стремилин.

Боярин пожал плечами.

– Думаю, туду послать лучше Костю Шею, как-никак потомок Мурзы. Мне Димитрий Зерно...

– Знаю такого, – вставил Алексей.

– Так вот, – продолжил боярин, – он мне хочет представить своего сына Костю.

Стремилин задумался:

– Млад он. Боюсь... тово...

– Я – тоже боюсь, – признался Федор.

– Дело иметь там лучше с Сураем, – посоветовал дьяк.

– А твой-то Сурай, как ен, надежен? – спросил боярин.

На лице больного впервые появилась улыбка.

– Надежен-то надежен. Да суха ложка...

За него договорил Федор:

– Рот дерет, ето я знаю.

Они оба почему-то рассмеялись, после чего больной долго кашлял. Прокашлявшись, он продолжил:

– Но где они щас кочуют, я не знаю. И хто правит... – Алексей развел руками. – Знаю, че там были два брата: Улу-Мухамед и Кичим. Но жили они, как кошка с собакой. Ну и, боярин, устал я. Да и сказать больше неча. Так уж извиняй.

– Ты меня, Алексей, извиняй. Вот дала княгиня мне загадку... – Он вздохнул.

– Ниче, княгиня молодец. Сынку помогат. Ето надоть, – проговорил Алексей.

И они распрощались.

В этот день, отобедов в одиночестве, ибо Василий какой день мотается с воеводой Пестрым, княгиня, вздохнув, скорбно посмотрев на кресло, за которым сидел совсем недавно ее муженек, торопливой, разбитой походкой, пошла к себе. Но чьи-то твердые, торопливые шаги заставили ее обернуться. Хоть в проходе было не так светло, она все же узнала его. Это был боярин Андрей Албердинов. «Уже примчался», – радостно подумала она. Княгиня остановилась. Он, поцеловав ей руку, спросил:

– Зачем звала, матушка великая княгиня?

– Для кого матушка великая княгиня, а для тя, Алберда, Софья, как звал ты меня когда-то.

Тот усмехнулся.

– С той поры, матушка, ой, сколь воды утекло. Вон друга мойго не стало.

– Да-а, – с тяжестью в голосе подтвердила она.

– Зачем звала-то, аль че случилось? – повторил он вопрос.

– А звала я тя вот зачем... Зайдем-ка суды. – И она открыла дверь в светлицу.

Выслушав ее, Андрей сурово сдвинул брови и задумался.

– Тут нужен свой надежный человек, – промолвил он, – вдруг Юрий его схватит.

Княгиня поняла, если тот выдаст, кто послал, князь Юрий получит возможность обвинить их в заговоре против него. А этого бы не хотелось. Лицо ее погрузнело.

– Есть такой! – радостно произнес боярин.

– И кто? – спросила княгиня, склонив голову, теребя на высокой груди концы шелкова платка.

– Ты, матушка, его знашь. Когда-то ты его спасла от казни.

Княгиня тотчас вспомнила того красавца.

– А... как он? – поинтересовалась она.

– Лучше не надо, – ответил боярин.

– А как... женился? – вдруг зачем-то спросила княгиня.

Заметив пытливый взор боярина, быстро пояснила:

– Помнится, он спасал свою невесту.

Боярин вздохнул:

– Не-е, – ответил он, – та, узнав че его схватила стража, куды-то делась. Нихто не знат.

– А че он... другу не нашел? Парень он видный, – стараясь придать голосу безразличное звучание, сказала она.

– Да... никто, видать, по душе не приходится, – ответил боярин.

– Ладно, он, так он, – закончила разговор княгиня.

Глава 8

Збигнев помог королю подняться, и тот посмотрел на дверь, за которой находился зал. До него всего несколько шагов. Но какие это были шаги! Король ругал себя, что предложил этот сейм. Да и город, который он выбрал, чтобы показать полякам, что он везде хозяин. Как они могли расценить это? Пренебрегает Польской землей? А епископ опасался одного, что все обвинения как против королевы, так и против него прозвучат из уст Витовта. В этом не выполнят данное им поручение. А все это произойдет на земле великого литовского князя. Правда, они меры приняли. Ягайло берет с собой солидный воинский отряд. Да и его, Збигнева, монахи, а их множество, тоже умеют держать оружие в руках. А в чужих стенах клятвы легче давать. Это даже радовало епископа. А еще его радовало то, что свидетели... пусть это будет пока тайной. Но как она грела сухую душу епископа.

Знал бы король, в каком состоянии находился Витовт! Лекари были против его поездки. Но он, прикрикнув на них, приказал им собираться в дорогу, заказав себе карету, ибо верхом он ехать не мог. Не знал король и того, что Витовт, несмотря на свою хворь, посетил темницу, где сидели пойманные им преступники, посланные из Польши. Побывал он и в костеле. Там спешно шла подготовка к встрече гостей. Помещение было солидных размеров, и думать о том, что там не все разместятся, не приходилось.

Вернувшись в хоромы воеводы, не раздеваясь, Витовт упал на кровать. Лекари, освободив его от одежды, стали поить его разными настоями, натирать разными мазями. Вскоре он заснул. Накрыв его одеялом, лекари на цыпочках вышли. Уже в коридоре, плотно прикрыв дверь, один из них, согнувшись, приложил ухо к замочной скважине.

– Спит! – выпрямляясь, произнес он.

– Как, господа, вы находите? – спросил лекарь невысокого роста, лысый и с брюшком.

– У него... – Это был лекарь худощавый, выше всех ростом, кивнул на дверь, все поняли, о ком он хочет сказать, – зверский организм. Другой на его месте давно бы ушел в мир иной.

– Да, господа, но что мы будем делать дальше? Ему ведь надо лежать и лежать, а он... – И лекарь с брюшком в отчаянии махнул рукой.

– Все, господа, решается там! – Подняв вверх тонкий длинный палец, высокий лекарь глубокомысленно закончил: Пошли. Нам надо отдохнуть. Боюсь, как бы нас ночью не подняли.

Все с ним согласились и разошлись по комнатам.

Ночь прошла спокойно. Когда утром лекари, позавтракав, всей гурьбой пошли в княжескую опочивальню, они нашли кровать пустой. Одежды нигде не было. А он уехал прятать только что подошедший полк. С ним, князем, и без того было много воинов. Прибытие такого отряда могло напугать панов, и сейм мог быть сорван. А полк нужен был Витовту еще и потому, что сейм проходил на его земле. А дома и стены помогают. В душе он считал, что для него это событие выиграно и ничто не может ему помешать. Разоблачив королеву, он раздвоит польскую знать. А это ему будет на руку.

После того как король, напрягая голосовые связки, объявил об открытии сейма, епископ прочитал молитву о милости Божьей в решении возникших проблем. Епископ не ошибся, поработав со многими вельможами. Первым, кто поднялся против короля, был князь Мазовецкий. Но на него, как псы, набросились князя Сандожежский, Чарторийский. Поддержали их шумливые шляхтичи. Вопрос о наследнике сам по себе заглох. Король еще жив и не думает помирать. Чего же раньше времени будоражить этот вопрос. Оговорив ряд мелких проблем: о границах между княжествами, об увеличении налогов на некоторые товары, король посчитал, что сейм можно закрывать, и, подняв руку, остановил начавшийся было шум.

– Господа панове! Все, что мы хотели обсудить, обсудили. Если у кого есть что добавить, прошу.

Все закрутили головами, сгорая от любопытства, кто же поднимется. И поднялся... Витовт. Он прошел по проходу и остановился около короля.

– Ваше величество, панове, – при этом он кому-то кивнул головой, но никто не понял этого кивка, – я хочу обсудить один вопрос.

Он повернулся и посмотрел на епископа, сидевшего в первом ряду. Тот побледнел, откашливаясь в кулак. Витовт начал:

– Уважаемые панове! Нас не может не беспокоить, кто в дальнейшем будет нами править.

– А это зачем нам седня знать? Король жив, – поднялся Сандомежский.

– А затем, что сыновья короля, не его дети! Я обвиняю королеву в измене!

– Доказательства! – орет все тот же Сандомежский.

– Сейчас они...

В это мгновение раздалось что-то непонятное. Какой-то гром, и такой силы, что в храме закачались люстры, и некоторые свечи погасли.

Когда все стихло, вскочил епископ:

– Это неправда! Господа панове. Пусть королева поклянется на кресте.

– Пусть, – поддержал сейм.

Бледная, королева пошла к тумбе, на которую епископ положил крест. Он помог королеве подойти к кресту, заодно шепнув:

– Ничего не бойся.

– Я. – Она посмотрела на епископа, тот только закрыл глаза. – Я... – И положила руку на крест. – Клянусь, что дети от моего мужа, короля Польши.

Епископ подскочил к ней. Поддерживая ее рукой, он неожиданно рявкнул на весь костел:

– Верим королеве, панове!

– Верим! Верим, Верим!

Витовт, грозно сдвинув брови, широким шагом, несмотря ни на кого, пошел к выходу. Его проводил торжествующий взгляд епископа.

Придя к себе, он вызвал воеводу. Тот, весь израненный, еле доплелся до него.

– Что случилось? – рявкнул князь, не обращая внимания на его состояние.

Тот заплетаящимся языком рассказал:

– Как только я получил ваш сигнал, тотчас посадил их в карету, и мы поехали. С обеих сторон надежная охрана. Впереди, на дороге, я увидел двух мужиков, в руках у них были шары и дымящиеся труты. Я послал воинов, чтобы те их оттеснили от дороги. Что они и сделали. Но, когда мы поравнялись с ними, они бросили их под повозку. Я услышал ужасный шум, что-то ударило меня в спину, сбilo с коня... Вот все, что я видел.

Витовт в сердцах грохнул кулаком по столу. Он понял, что Олесницкий на этот раз его переиграл.

Глава 9

Давно это было. Более ста двадцати лет минуло с той поры, когда бездетный князь Иван Дмитриевич Переяславский завещал Переяславль не дяде, князю Городецкому Андрею Александровичу, а его брату, московскому князю Даниилу Александровичу. А сделал Иван так в отместку князю Городецкому за то, что еще при жизни его отца Димитрия он и Федор, князь Ярославский, заставили их бежать из родного города. Обида в Иване не умерла. Вот так он решил поступить.

Андрей счел это оскорбительным для себя и отправил туда своих наместников. Но Даниил выгнал его наместников, и в этом он нашел поддержку у владыки Симеона. Московское княжество приросло целой областью. После смерти Даниила его сын Юрий Данилович продолжил начатую отцом политику приобретать и усиливаться чужими землями. Но прежде всего он решил укрепить свои границы. И начал с южных рубежей. Ибо оттуда враг, в лице Орды, чаще всего нападал на Московию. И неплохо было иметь там пост, который вовремя бы предупредил об опасности. Нара недалеко от этого места впадает в Оку, которая служила как бы южной границей. Сплаваясь по реке Наре, он увидел в одном месте высокие обрывистые берега. Местность как бы царствовала над всем окружающим миром. На высоком холме он переночевал и велел здесь рубить заставу. Извивающаяся в этом месте река похожа на серп, дала название заставе Серпух. Отсюда и пошел город Серпухов.

Приобретать чужие земли, ставить новые города, так было до юного великого князя Василия Васильевича. Но когда он вдруг решил продать пару деревень – оказалось неслыханным делом. Как его ни разубеждали, князь стоял на своем. Дошла эта весть и до великой княгини. Она позвала к себе дьяка Тимофея Ачкасова и спросила его об этой вести. Тот подтвердил. Княгиня нахмурилась и решила переговорить с сыном. Он рассказал ей о том, что, объезжая свои земли с дядькой Михайлом, встретил в Коломенском две деревушки, Кольчевскую и Никольцева, там увидел погнившие дома, многие были брошены. Он понял, что оставшиеся смерды могут разбежаться. И решил: лучше эти деревеньки продать, а на эти деньги построить около Серпухова несколько деревень.

Княгиня не без восторга посмотрела на сына: «Такой молодой, а так решает».

– Кому ты хочешь доверить это дело?

– Думаю, старому верному дьяку Федору Дубинскому.

– Смотри, сын. Но... многие ты не понимают. Им это в диковину.

Когда князь Василий объявил Федору об этом, дьяк изрек:

– Упертый же ты, великий князь.

Василий усмехнулся, потом сказал:

– Продашь, да не продешеви. Цена... – Он показал на пальцах.

– Дороговато, – ответил Федор.

– Цену не снижай. Возьмут!

Василий оказался прав. Взяли. Когда Федор вернулся с тугим кошельком и положил его перед Василием, князь достал из него пару рублей и подал Федору. А деньги засунул себе за пояс.

– Поехали! – глядя на дядьку, скомандовал Василий.

Когда отъехали, князь, увидев реку, крикнул:

– Дядька! Смотри, река. Купнемся?

Михайло что-то прикинул:

– Только недолго. Надоть до темна до хором добратся.

Василий хлестнул коня. На берегу он его осадил и, спрыгнув на землю, сбросил одежку и с разбега нырнул в воду. Всплыл он только на середине реки, чем напугал дядьку. Тот осто-

рожно входил в воду, поеживаясь от ее кажущейся прохлады. Не выдержал и присел, оставив на поверхности бородастую и мохнатую голову.

Немного поплавав, Михайло вернулся на берег, не спуская глаз с резвящегося князя.

– Ребенок! Совсем дитя! – с улыбкой проговорил он.

Когда, полежав и обсохнув, они тронулись в путь, дядька сказал:

– Отсель твой дед, Димитрий Донской, пошел на татар.

– А ты тама был? – не без интереса спросил Василий.

– Был. Мне тогда всего двадцать годков было. С батей пошел. Как и три моих братца.

Один я вернулся, – вздохнул Михайло.

– Расскажи, дядька, как все было.

Они поехали рядом, и дядька стал рассказывать. Тот интерес, который проявлял князь, заставлял Михайла с увлечением говорить о своей былой жизни.

– Значит, ты был у князя Серпуховского Владимира Андреича? – спрашивает Василий.

– У него. Мы-то жили в Москве на его земле. Вот с им и пошли. Я те, Василь, скажу, отчаянный был тот князь. Твойго деда звали Донским, а его Храбрым.

Незаметно, с разговорами, они добрались до столицы. Уже во дворе, прыгнув с лошади, Василий, передавая узду Михайле, сказал:

– Давай, дядька, съездим в Серпухов. Хочу посмотреть на ту землю, где жил Владимир Андреич.

Дядька, довольный, кивнул головой.

А через несколько дней он объявил матери, что хочет ехать в Серпухов. Софья удивилась.

– Ты че там, князь, забыл?

– Хочу, матушка княгиня, посмотреть на ту землю, по которой ходил храбрый князь Владимир Андреич. Слыхивал я, че он с моим дедом крепко бивал татар. Их хан Мамай еле ноги унес, – ответил сын, но таким тоном, что мать невольно, не без радости подумала: «Взрослеет».

Но все же высказалась:

– Это все Михайловы проделки, – недовольным голосом произнесла мать.

– Не, матушка княгиня, это я сам хочу, – твердо ответил сын.

А наутро, чуть стало светать, Михайло, как просил великий князь, на цыпочках вошел в его опочивальню.

– Это ты, Михайло? – полусонным голосом спросил Василий.

– Я, я, князь, пора.

– Встаю! – Василий решительно отбросил покров и вскочил босыми ногами на пол.

Натянув портки, прошлепал в угол, где висел котелок с водой. Плеснул из него себе в руку водицы и обмыл над шайкой лицо. Утиральником вытерся и, надевая рубаху, сказал:

– Михайло, я готов. Едем!

– Не-е, князь, надоть к Евдошке заглянуть. Чегой-то пожевать. Да я просил, чтоб она в дорогу чего-то приготовила.

Князь ел быстро, торопливо. Михайло понял, что внутри юноши разгорается страсть поскорее увидеть те места. И в его душе вспыхнул огонек радости. «Если он так хочет посмотреть старину, добрым князем будет».

– Я готов, – отодвигая миску с остатками каши, объявил Василий.

– Сабельку-то нацепи, – заметил Михайло, увязывая торбу.

Взвалив ее на плечо, он сунул за пояс чекан с укороченной ручкой:

– Ну, с Богом! – Михайло перекрестился и открыл дверь.

На улице, с Москвы реки, тянуло прохладой. Весь подол был окутан серым туманом. Кое-где местами добирался и до посада, по которому под собачий лай им приходилось ехать. Вскоре лай стих, и их окружил суровый, молчаливый лес. Дорога стала сумрачной. Василий поежился от прохлады. «Эх, дурень! Не взял куцайку, – пожалел он. – Станный етот Михайло, – подумал

князь, когда тот набросил ему на плечи кафтан, – не успел я помыслить, как он понял, че я хочу».

Откормленные, застоявшиеся лошади шли бодрым аллюром.

К обеду, когда солнце поднялось над головой, а конская шкура покрылась темными пятнами от пота, Михайло, приостановив своего коня, завертел головой.

– Ты че? – спросил Василий, недоуменно поглядывая на дядьку.

– Кони притомились, – ответил он, – да и у меня в пузе совсем пусто, того и гляди к хребтине присохнет, – не без смешка сказал дядька.

Выбрал он веселую, заросшую разными травами поляну, которую рассекала небольшая журчащая речушка. Михайло ловко, несмотря на глубокий возраст, спрыгнул с лошади. Снял притороченные к седлу мешки. Разнуздал коня. Глядя на него, это проделал и Василий. Стреножив лошадей, они пустили их пастись. Михайло подошел к речушке, встал на колени и стал пить. Напившись, омыл лицо, вытер его подолом рубахи.

– Фу-у, – выдохнул он, – хорошо-то как, господи!

Потом, что-то заметив, он быстро разделся и полез в воду. Через какое-то время раздался его радостный голос:

– Василий! Лови! – И выбросил увесистого налима, выдернув его из-под камня.

Рыбина, шлепнувшись на землю, какое-то время лежала неподвижно. Затем вдруг так резво подскочила вверх, причем в сторону речушки, что еще мгновение, и она оказалась бы в спасительной воде. Василий, не раздумывая, метнулся к ней, в полете напоминая хищника, распростертого над своей жертвой. Схватив налима обеими руками, он не смог его удержать. Тот, скользкий, будто смазанный салом, выскользнул из его рук. Василий вновь настиг его у самой кромки воды.

– Ты хребтину, хребтину ему ломай, – орет дядька, – а то уйдет!

Легко сказать – ломай. А он скользкий, не удержать. Ногой Василию удалось отбросить его от берега. Схватив на берегу гальку, он раздробил рыбине голову.

Не успел Василий справиться с первой рыбиной, как Михайло выбрасывает на берег второго налима. С ним князь поступил проще. Сразу ударил его по голове. А потом полез в реку.

– Дядька, покажи, как ты ловишь.

Пришлось старому учить князя. Какова было неопишуемая радость Василия, когда он вытащил за жабры рыбину в треть его роста.

– Вот его добыча! – радостно заорал Михайло.

Потом они хлебали наваристую уху. Вкус придавала речушка, запах нескошенных трав, далекий шум леса.

– Красотища! – орет Василий, уплетая кусок рыбины.

Насытившись, они подремали на бережку под шумок речушки. Разбудили кони, пришедшие на водопой.

– Василий, пора! – потряс он князя за плечо.

Полдороги Василий рассказывал улыбающемуся дядьке, как он нащупал рыбину, осторожно, чтобы не вспугнуть, вел по ней пальцами до самой головы, как ловко вцепился в жабры.

Незаметно подобрался вечер.

– Че, – кивая на какое-то озерко, сказал Михайло, – здесь и заночуем.

Стреножив коней, Михайло пошел собирать дрова, чтобы их хватило на ночь. Дядька спал чутко. Старый воин не мог забыть этой привычки. Если есть опасность в походе, сон сам бежал от него. Проснулся он в середине ночи. Костер прогорел, и он бросил в него несколько заготовленных кряжей. Посмотрел на князя. Ночная прохлада заставила юношу сжаться в клубок. Дядька набросил полушубок на Василия. А утром, когда начало светать, поднялся такой птичий гомон, по всей видимости, они торопились рассказать друг другу о своих снах, что

спать было невозможно. Проснулся и Василий. Пригревшись под шубейкой, ему не очень хотелось вылезать наружу.

Заметив, что Василий не спит, Михайло отеческим тоном сказал:

– Сынок, поднимайся. Ловим коней – и в путь, а то запоздаем и ночью придется хозяев поднимать.

Чем хорош был Василий, все же негу он не любил. После таких слов князь решительно отбросил шубейку, разделся донага и бултыхнулся в озеро. Когда выскочил на берег, от утренней прохлады его кожа стала походить на гусиную.

– Держи. – И Михайло бросил ему тряпицу.

Василий обтерся, облачился в одежду, набросил кафтан на плечи, и тело вдруг вспыхнуло «огнем».

– Може, перекусим? – спросил он неуверенно.

– Давай! – И Михайло из торбы достал вяленое мясо, сало, краюху хлеба.

Быстро пожевав, они тронулись в путь.

К обеду они добрались до Серпухова. О том, что подъезжают к городу, объявил Михайло.

– Вот и Серпухов. – Он кивнул головой на почерневший от времени крепостной частокол, за которым виднелись купола церквей и крыши домов.

Подъезжая ближе, Василий удивился:

– Чем-то на Москву смахивает, – сказал он, – смотри, точно по посадку едем. Избы таки. А тама – крепость. Только у нас стены кирпичные, а здесь дубовые.

– Ниче, – заметил Михайло, – они соорудят и кирпичные, город-то молод еще.

Ворота были растворены настежь, и они спокойно въехали вовнутрь города.

– Туды поедем. – Михайло кивнул на видневшуюся вдали церковь.

И он не ошибся. Напротив нее возвышались хоромы, выглядывающие из-за частокола.

Мимо проходила какая-то бабенка с сумой, наполненной овощами.

– Эй, – крикнул ей Михайло, – это хоромы князя? – И он показал на запертые ворота.

– Ен, – ответила та, заспешив прочь.

Подъехав, Михайло спрыгнул и, подойдя к ним, загремел кулачищем. За воротами поднялся собачий лай. Вскоре послышался чей-то голос:

– Чего надоть? Князя нетути.

– Зато тута великий князь Московский! – пробасил Михайло.

Запор загремел, и дверца отошла, открывая перед гостями высокого седого как лунь старика.

– Хде тута великий князь? – недоуменно поочередно посмотрел он на обоих всадников. – Великий князь, – недоверчивым голосом спрашивает он, – а хде стража? Аль ты бежал из Москвы?

Михайло подходит ближе, тщательно всматриваясь в лицо старика.

– Слышь, не Петруха ль ты? – спрашивает он.

– Петруха, а че? – отвечает тот.

– Ну, братец, не узнаешь? Да я ж Михайло. Помнишь, как мы вначале от татар деру дали?

А?

– Михайло? – Старик подошел ближе и увидел на лбу гостя шрам. – Точно, Михайло! Я ж те его, – и показывает на лоб, – тряпицей, смоченной в моче, обматывал.

– А зачем смочил в моче? – поинтересовался князь.

– А его, – он смеется, – чеп быстрее зарастала рана. Нам жить еще биться надоть было.

Они обнялись. Когда кончились объятия, старик, недоверчиво глядя на молоденькое лицо Василия, спросил:

– Этот, че ли, великий князь?

– Етот, етот!

Старец преобразился. Низко склонился и проговорил:

– Рад ты приветствовать, великий князь. Извиняй, че сразу не признал.

– А хде князь-то твой? – спросил Михайло.

– Да все на сенокосе. Еще Владимир князь Андреевич, да будет земля ему пухом, сказал: «Мы с боярами берем дальний продел. Ибо холоп со смердом отель сенца и привести не сумеют». Вот и косют они далеко отсель. Князь наш любит косить, грит, что кровушку разгонят. Силу в тело вгонят. А вот метать – ни-ни. За шиворот сухое сено падат. Чесаться тело начинат. Вот так тоть.

– Да мы то... – И Михайло рассказал, зачем они сюда прибыли.

Надо было видеть, как Петр изменился. Он весь наполнился почтением, а тусклые его глаза ожили.

– Ты ему опочивальню Володимира покажи, – попросил Михайло.

Опочивальня была довольно просторная, обставлена, как обычно, в княжеских домах. Большая дубовая кровать. Небольшой столик с двумя креслами. У входа поставец и рукомойник. В восточном углу икона с лампадкой.

Василий подошел к кровати, помолился на икону, встал на колени и прижался лбом к дубовой доске. Те стояли за его спиной, придерживая дыхание. Наконец князь поднялся.

– Пошли, – каким-то странным голосом произнес он.

И все двинулись к дверям. На пороге князь остановился и еще раз, на память, оглядел опочивальню. В проходе Василий придержал Михайло:

– Че, домой? – спросил он.

– Не-е, – ответил за него Петр, – вначале я вас накормлю, чем Бог послал. А то с дороги, поди, голодны.

Михайло рассмеялся:

– Ты че, Петруха, чеп я был голодным...

– Да знаю, знаю, – махнул тот рукой. – Я вот че думаю, – продолжил Петр, – свезу-ка я вас к Василию Ярославичу. А то он мне, старому, не простит. Иль вы тута пока передохните, а я за ним смотаюсь.

Василий покачал головой:

– Раз так, поедем и мы, так, Михайло?

– Так, так, великий князь, – ответил тот.

Выехав из крепости, они повернули налево. Дорога бежала вниз меж избенок. Редко встречались и хорошие избы.

– Кузнечная слобода, – пояснил Петр.

Вскоре впереди заблестела серебром речная поверхность.

– Ока, – пояснил Петр.

И они поехали вдоль нее. Немного проехав, дорога поднялась вверх, там ее окружил густой березово-еловой лес. Здесь было прохладно и приятно ехать. Но, к сожалению, лес скоро кончился, и они попали в мир копен и стогов. Да и эта картина осталась позади. Опять берег реки, подъем вверх, лесная дорога. На этот раз езда по ней затянулась.

Когда лес кончился, перед ними открылась ошеломляющая картина. Это был пойменный луг необъятной величины, разбегающийся почти до самого горизонта, окаймленный, как обвязанный темной полосой, лесом. Травы были мягкие, шелковистые, щекотавшие брюха коней. Местами, как разбросанными озерными пятнами, зелень разбавлялась различными цветами. Вот огнем горит полянка огоньков. А невдалеке, точно упавший с неба, голубеет его кусок. Это нежный лютик, он как бы просит тебя броситься в его объятия. Не успеешь налюбоваться этой голубизной, как твой взор останавливается на золотом цвете. О господи! Что это? Аль монеты кто рассыпал?

Так, любуясь то одним, то другим цветом, незаметно пересекли они это поймище. К луговому аромату добавился лесной прелый запах. Но всех побил запах жареного мяса. Когда они подъехали, то поняли: это была чья-то стоянка. На опушке виднелись чьи-то шатры. Двое мужиков, раздетых до пояса, на вертеле жарили барана. Увидев Петра, один из них, передав дело другому, подошел к нему.

– Будь здоров, – поприветствовал Петр и наклонился, чтобы прижаться своей щекой к заросшей щеке мужика.

– Будь и ты здоров, – ответил мужик и спросил: – Каким ветром?

Но Петр ответил вопросом:

– Где князь?

– Да косят на верхней поляне. – И махнул в ту сторону рукой.

Петр тронул коня, и за ним поехали Василий и Михайло.

Князь косил траву. Широко расставив ноги, казалось, он легко пускал косу, чуть приседая при каждом взмахе. На спине его белая рубаха потемнела от пота. Княгиня, опершись на косу, стояла в тени развесистого дуба. За князем шли два его взрослых сына. Издали увидев Петра, княгиня подумала: «Неужто принесло гостей?», ибо тот мог покинуть хоромы только в особом случае, и крикнула:

– Князь, похоже, к нам гости!

Князь остановился и посмотрел на княгиню.

– Ты че-то сказала? – спросил он, рукавом вытирая мокрое от пота лицо.

– Гляди! Гости! – ответила она, рукой указывая на появившихся за Петром всадников.

Князь оглянулся. Коса выпала из его рук.

– Князь? Великий князь? – неуверенно произнес он.

– Я, я, Василий Ярославич, – прыгивая с коня, весело подтвердил Василий.

Они обнялись. После объятий Василий Ярославич как-то виновато произнес:

– Вот... видишь, кошу, – и добавил: – Люблю его дело.

Он поднял подол рубахи, рукава уже были мокрые, и обтер им лицо.

– Че, в город поедем? – спросил князь.

– Да нет. Мы вскоре назад.

Вмешалась княгиня.

– Куда-то вы на ночь собрались! Одни... не-е. – И обратилась к мужу: – Знакомь гостя с сыновьями да ужинать пойдём. Там, поди, все готово. После видно будет, че делать.

– А ты права, – согласился князь и представил сыновей.

Обнявшись с каждым, Василий вопросительно посмотрел на Михайло.

– Че, – сказал тот, – хозяйка к ужину позвала, пойдём, великий князь. Баран там уж очень... того... вкусен, носом чую.

– Ну, по ко... – Но Василия Ярославича перебил чей-то задорный, звонкий девичий голосок:

– Матушка, смотри, че я сделала.

И из леса выскочила юная особа с сияющим лицом и большими блестящими глазами. Увидев чужих людей, она вдруг остановилась, как вкопанная. Кто-то неведомой рукой смахнул с ее лица торжество, которое сменилось вопросительным взглядом: «Что за люди?»

– У нас гости? – не то радостно, не то с каким-то нежеланием видеть чужих людей, спросила она.

– Да... – начал было отец, но девчушка перебила его.

Смело подскочив к чужому пареньку, она неожиданно спросила:

– А как ты звать?

– Василий, – в каком-то недоумении ответил он.

– Как мойго батюшку. – И тут же перешла в нападение: – Василий, скажи, ты хочешь посмотреть че-то очень-очень занятное? А?

– Хочу, – неуверенно ответил тот.

– Тогда бежим скорее! – Она схватила его за руку и потащила за собой князя.

Через теплоту ее руки Василий вдруг почувствовал, что в нем возникло неведомое досель желание как-то покоряться этому юному, прелестному созданию. Они бежали березовым лесом, иногда пускаясь наперегонки. Но Василий чувствовал, что Марии приятно, если она опережала его. И он часто поддавался ей, чтобы та почувствовала себя победительницей. Но иногда, чтобы подразнить ее, прибегал первым до намеченного предмета. Тогда она делала вид, что сердится, надувая свои красивые губки. Наконец, лес кончился, и они оказались на берегу небольшого озера.

– Тихо! – подняв изящный пальчик, предупредила Мария.

Василий замер, ожидая чего-то необыкновенного.

– Смотри! – радостно зашептала она.

На середину озера выплыла утка с десятком утят. Мать, держа себя строго, иногда покрывала, вероятно, предупреждая кого-то из ее шалунов. А иногда, величественно повернув голову, оглядывала свой многочисленный строй.

– Ой, какие они прелестные! – тихо проговорила девушка.

– А хочешь, я тебе одного из них подарю?

– Ето как? – удивилась Мария.

– А так!

Он сбросил рубаху и пошел в воду. Тихонько нырнул, набрав воздуха. Его долго не было, и княжна стала беспокоиться, заматавшись по берегу, не зная, что делать. Но вдруг раздался всплеск, утка и утята бросились врассыпную, только один бился на месте. Вскоре показалась голова Василия. Держа в одной руке утенка, он гордо помахал Марии.

Когда Василий выбрался на берег и подал птенца Марии, она выразительно взглянула на дарителя серо-голубыми глазами. Этот взгляд говорил, что она восхищена поступком Василия. Но этот взгляд нарушил мерное течение его жизни. Василий еще не понимал, что с ним творится, но что он стал другим, это хорошо понял.

Девушка взяла утенка обеими руками, поцеловала несколько раз. Его тельце дрожало, видимо, утенок сильно напугался, и это поняла Мария.

– Мой хороший, ты хочешь к матушке. Я сейчас тя отпущу. Гляди, тя ждет она. Да твои братики и сестренки тоже в ожидании.

Те забились вокруг матери, которая тревожно крякала.

– Я его, пожалуй, отпущу, – подняв на Василия глаза, сказала Мария, – а то смотри, как разволновалась его матушка.

Тот взглянул на утку, не увидел ничего того, что узрела Мария, но сказал:

– Конечно, отпусти. Надо те будет, я еще поймаю.

Девушка подошла к воде, наклоняясь, посмотрела на Василия. Тот ей кивнул: мол, отпусти. Мария разжала руки. Утенок нырнул, а вынырнув, быстро поплыл к своим.

– Даже они и то любят свои семьи, – к чему-то сказала Мария.

– Да как же не любить семью. Она дала те жисть, – философски заметил Василий.

Обратно они шли, взявшись за руки. Первой это сделала Мария. Василий очень этому обрадовался. Ощущать ее горячую ручонку ему было приятно.

– Смотри, костяника! – воскликнула Мария, показывая на кустик ягод, которые шапкой глядели меж резных листьев.

Затем сорвала ее за ножку и поднесла Василию.

– Ешь, – сказала с улыбкой, – вкусно.

– Сначала поешь ты, – запротестовал было князь.

Но она ответила:

– Ты знаешь, сколь я ее здесь съела! А ты ешь, ешь, – просящим голосом посоветовала девушка.

И он набил рот этой ягодой. Пройдя несколько шагов, она вдруг остановилась:

– Глади! – произнесла с испугом, показывая вперед.

Там, объедая малину, лакомился мишка. «Господи, че делать-то?» – мелькнуло у него в голове.

Скорее всего, не будь рядом этой девчушки, он бы взял ноги в руки и побежал. Но при ней... Он слышал от кого-то, что сытый медведь на людей не нападает. А если его напугать, то бросится наутек. Князь так и сделал. Громко ударив в ладоши, изо всей мочи крикнул:

– А ну, пшел!

И точно! Медведь, ломая кусты, ринулся в лес. Как захотелось Василию помолиться, что Бог не оставил его. Но, посмотрев с улыбкой на продолжающую еще дрожать Марию, сказал:

– Вот и все! – Причем его слова прозвучали так, будто он каждый день занимается этим.

Когда они вернулись, Мария, не скрывая восхищенного взгляда, рассказывала родственникам о неожиданной встрече с медведем. Отец, выслушав рассказ дочери, поблагодарил великого князя и сказал, что одна она больше в лес не пойдет. И добавил:

– Великий князь, но этот пример сказал о многом. Неприятность может встретиться на каждом шагу. Так что без охраны, мой дорогой, ни шагу. Извини, но я напишу великой княгине, чтоб она следила за етим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.